

АНАСТАСИЯ ПЫРЧЕНКОВА

НЕВЫНОСИМЫЙ

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

Александра Салиева

НЕВЫНОСИМЫЙ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67148143

Аннотация

«Весь распорядок в офисе нашего холдинга перевернулся вместе с приходом нового босса. Сегодня меня здесь вообще не должно быть. У меня отпуск. Но начальство решило, что много отдыхать вредно. Приказано явиться всем, без исключения. О чем сообщили лишь час назад. И теперь я, вместо того, чтобы идти с сыном на каток в парк, рассматриваю себя в зеркало лифта. В одной руке у меня снятое еще в холле красное зимнее пальто, а другой я поправляю одежду, спешно нанесенный макияж и убираю выпавшие из заплетенной косы влажные из-за снегопада пряди светлых волос. И уже на выходе замечаю на спине блузы отпечаток детской ладони, оставленный белой краской...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	68
Глава 6	82
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Александра Салиева

Невыносимый

Глава 1

Тая

Весь распорядок в офисе нашего холдинга перевернулся вместе с приходом нового босса. Сегодня меня здесь вообще не должно быть. У меня отпуск. Но начальство решило, что много отдыхать вредно. Приказано явиться всем, без исключения. О чем сообщили лишь час назад. И теперь я, вместо того, чтобы идти с сыном на каток в парк, рассматриваю себя в зеркало лифта. В одной руке у меня снятое еще в холле красное зимнее пальто, а другой я поправляю одежду, спешно нанесенный макияж и убираю выпавшие из заплетенной косы влажные из-за снегопада пряди светлых волос. И уже на выходе замечаю на спине блузы отпечаток детской ладони, оставленный белой краской.

– Вот же... – не сдерживаюсь, понимая, что на этот раз прозрачно-бежевой ткани пришла точно хана.

Но губы все равно растягиваются в произвольной улыбке. Все-таки не умею я по-настоящему сердиться на моего мужчину. К тому же пятно легко скрыть за завесой распу-

ценных волос, чем и занимаюсь, пока иду в сторону главного конференц-зала.

В пункте назначения я нахожу больше десятка человек, на чьих лицах царят одновременно взбудораженность и подавленность. На вопрос о том, что происходит, слышу:

– Нас всех уволят!

Тамара Станиславовна – одна из тех, кто работает здесь давно, она не станет паниковать на пустом месте, поскольку замечательный специалист, так что в ее словах есть доля правды. С момента смены власти в нашей компании прошли едва ли сутки, а наш генеральный директор уже снят с должности. И не один, а вместе со своими заместителями и их прихлебателями.

– А девочки говорят, он красив, как бог, – кокетливо протягивает стоящая в стороне от нее Лиза – секретарь бывшего босса.

Вот же счастливая – вечно летает где-то среди облаков. Порой, кажется, начнись апокалипсис, она все равно будет мечтательно вздыхать о каком-нибудь красавчике. Впрочем, это ей нисколько не мешает ответственно подходить к своей непосредственной работе. Уникум, а не девушка, как по мне.

– И настолько же жесток, – кривит губы все та же Тамара Станиславовна.

– А вы, что? Уже с ним знакомы? – заинтересовывается еще одна девушка, но уже из бухгалтерии.

– Наслышана, – важным тоном отзывается женщина, де-

монстративно отворачиваясь ото всех, делая вид, что февральский снегопад за окном интересует ее куда больше.

На дальнейшие расспросы она строит «умное» и «знающее» лицо, но делиться информацией не спешит. Да и ладно. Лично меня все равно больше интересует не то, кто и насколько красив или жесток, а чем нам грозит смена власти. Все ли останутся на своих рабочих местах? С учетом моего не самого долгого периода работы в компании – всего шесть месяцев – так себе перспективка вырисовывается.

А народ прибывает и прибывает. Назначенное время подходит к нулевой отметке. В конференц-зале становится слишком душно из-за того, сколько персонала здесь собирается, несмотря на работающий кондиционер.

Проходит еще не менее получаса, прежде чем к нам присоединяется новое действующее лицо. Точнее, четыре. Тот, кого мы все, собственно, ждем, и еще трое. Двое амбалов с внушительными стопками папок, а также одна рыжая... кхм... в общем, на ее длинных ногах сосредотачивается все внимание присутствующих. Очень уж заметно выделяются они на фоне двенадцати сантиметровой шпильки и черного платья минимальной длины. Все пялятся исключительно на нее. Я же...

Я будто падаю в бездонную пропасть прошлого. Лечу на всей скорости вниз, отчаянно пытаюсь зацепиться хоть за что-то и не имея на то возможности. Ведь это не может быть правдой! Это не может быть он! Только не он! И вместе с

тем, я, как никогда ясно, понимаю, что так оно и есть. Игнат Орлов. Известный бизнесмен. Очень влиятельный человек. И просто тот, кто разрушил мою жизнь до основания, сам того не ведая. Здесь. Своей собственной великой персоной.

Как такое возможно?!

– Здравствуйте...

– Добрый день...

Все здороваются с ним наперебой, всячески выражая почтение. У меня же язык к небу словно прилип. В голове мелькают образы прошлого один за другим, кружатся в хороводе из хаоса, а вместе с ними и обстановка вокруг. Я крепче сжимаю в руках свое пальто и мысленно убеждаю себя не поддаваться накатывающей панике. Но она никак не желает отступать.

Ну, вот все-таки как? Как такое возможно? То есть, как – понятно. Наверное. Другой вопрос: что он **здесь** делает?! Неужели, как-то узнал о Максе? И если да, то что предпримет? Господи, дай мне сил в таком случае, и побольше! Если и правда знает. Но тогда почему сразу не пришел ко мне? Получается, не в курсе?

Столько вопросов. И ни одного ответа. Да и проносятся эти мысли в моем многострадальном разуме за считанные мгновения, сметенные звуком давно позабытого голоса:

– Здесь не все.

Негромкое. Холодное. Безразличное.

В кожу словно множество ледяных осколков впивается,

царапая и оставляя на своем месте обжигающие и кровото-
чащие следы, пока Игнат осматривает всех и каждого, а я —
его.

А он все такой же. Как там Лиза сказала? Красив, как бог?
Очень точное определение. Возраст только добавил этой са-
мой красоты его совершенным, по-аристократически пра-
вильным чертам лица. Сколько ему сейчас? Тридцать два,
кажется. Выглядит чуть старше. И взгляд полночно-синих
глаз тяжелее прежнего. Только полуулыбка, вернее ее подо-
бие, та же, полная насмешки, мрачности и обещания. Как
напоминание о том, что таким, как Игнат Орлов, можно вос-
хищаться лишь на расстоянии, но ни в коем случае не при-
ближаться и не сближаться. Съест и не подавится. Истинный
зверь. Вот и черный костюм классического кроя не способен
в полной мере скрыть силу и мощь его тренированного тела,
которые невидимыми волнами исходят от него по всему кон-
ференц-залу, вынуждая трепетать перед ним против воли.

Он не перекачен, нет, несмотря на кажущиеся излишне
широкими затянутые в пиджак плечи. Видела я шкафчиков,
у которых мышц в теле больше чем мозгов. Например, те,
что с ним пришли. В Игнате как раз все сбалансировано.
Ум и физическая выносливость. Тем опаснее стоящий пере-
до мной. Витающий в воздухе морозный аромат парфюма с
морскими нотками только усиливает это ощущение, отчего
я мысленно повожу плечами.

Давно позабытый страх резко давит на сердце, вынуждая

хватать ртом воздух с еще большим усердием, чем прежде. Или это просто я забываю, что надо дышать? **Как** надо дышать. Хотя лучше бы я вовсе не дышала на самом деле. Потому что тогда бы я точно знала, что мне ничего не грозит. А вот так...

– Господи... – все же вырывается из меня.

Не так уж и громко, но Игнат слышит. Цепкий взгляд впирается, подобно тысячам игл. Он выгибает бровь. Я же отворачиваюсь и по-прежнему пытаюсь прийти в себя, осознать, что все это по-настоящему. А еще порадоваться тому, что меня, похоже, не помнят. Но я все равно не расслабляюсь. Потому что стоит только представить, что будет, когда он поймет, узнает... Нет! Нельзя этого допустить! Ни в коем случае! Это будет крах всему, за что я боролась все эти пять лет!

Последние мысли помогают окончательно взять себя в руки и сосредоточиться на настоящем. А в нем:

– Все, Игнат Алексеевич, – реагирует Сергей Михайлович на ранний выпад начальства.

Да с таким виноватым видом, словно лично на него возложили обязанность по явке персонала, и он не справился.

– Кроме двоих, которые на больничном, – спешно поправляет его Лиза. – Они... – и тут же прикусывает язык, вжимая голову в плечи, под суровым взглядом Орлова.

– Кто?

Взгляд Сергея Михайловича становится еще более вино-

ватым.

– Киселев и Тарасова. Первый с пневмонией, в больнице, его не отпустили. У второй ребенок температурит, – признается он. – Тридцать восемь. Оставить не с кем. Она дочку одна воспитывает, – оправдывается за отсутствие сотрудников.

Обе причины вполне уважительны. Но не для Орлова.

– Сколько лет? – слегка прищуривается Игнат.

– Кому? Тарасовой? – бестолково моргает собеседник.

На губах нового босса расплзается ядовитая ухмылка.

– Ну, не мне же, – произносит снисходительно. – Дочери, – добавляет мрачно.

С таким видом, словно устал с умственно отсталыми общаться, а все равно приходится. Так и хочется сказать, чтобы не терпел и уходил поскорее, все будут только рады. Но я, конечно же, молчу.

– Т-тринадцать, – тихонько отзывается Сергей Михайлович, вжимаясь спиной в стул.

Словно знает, что будет дальше.

– Понятно. Киселев уволен. Как и Тарасова. Ты – тоже, – равнодушно выносит вердикт Орлов, после чего забывает о человеке, повернувшись к той, с кем пришел сюда.

И мне бы посочувствовать им, но на деле я думаю о том, что не нужно было сегодня приходить сюда. Тогда бы и меня, глядишь, уволили. Заочно, без лишних встреч.

– Кхм... И так... – показательно прокашливается рыжая, тем самым заставляя возникший гул голосов заткнуться. До-

жидается, пока в конференц-зале воцаряется всеобщее молчание и продолжает: – Меня зовут Агата. Я являюсь личным референтом Игната Алексеевича. Если у вас есть какие-либо вопросы, вы сможете задать их через меня. После того, как совещание закончится.

Ну да, не пристало барину лично общаться со своими холопами... Вместе с тем данная новость приносит своеобразное облегчение. Не общаться – это хорошо, просто замечательно. Да и совещание – название сомнительное. То, что происходит дальше, похоже скорее на распятие.

– Лоскутов. Валерий Леонидович, – произносит референт, подавая верхнюю из папок Орлову.

После того, как папка оказывается в руках мужчины, тот, кого назвали, поднимается на ноги. Но Игнат даже не открывает личное дело. Папка летит на пол. Всего один мимолетный взгляд на Лоскутова, и...

– Уволен.

Вздрагиваю. И не я одна. Тот, кому только что вынесли приговор, вовсе бледнеет. Некоторое время еще сомневается в выдвинутом начальством решении, но ровно до момента, пока его показательно не провожают на выход из конференц-зала. В помещении и без того было тихо, а теперь все аж дышать перестают.

– Лебедев Антон Семенович.

К первой папке, валяющейся на полу, с грохотом присоединяется вторая.

– Уволен.

В отличие от Лоскутова, Антон Семенович покидает нас самостоятельно, с гордо поднятой головой. Я же по-настоящему сочувствую мужчине, которому до пенсии остается всего два года и новую работу по специальности найти будет совсем непросто, если вообще возможно. Моя растерянность сменяется злостью на Орлова. Особенно, когда звучит новое имя и совсем другой вердикт.

– Беляева Елизавета Тимофеевна.

– Хм... – взгляд Орлова останавливается на нашей гиперэмоциональной блондинке, которая готова уже в обморок грохнуться от происходящего. Но папка с ее личным делом плавно опускается на стол, не падает на пол. – Следующий.

Агата согласно кивает, и подает новое личное дело.

– Дементьева Тамара Станиславовна.

– Уволена.

Тоже предпенсионного возраста. И хоть мы с ней не особо ладим, я не могу не сочувствовать, когда понурая женщина идет к дверям конференц-зала.

Так повторяется еще несколько раз, прежде чем, наконец, звучит мое имя:

– Туманова. Таисия Олеговна.

Полночно-синий взор сосредотачивается на мне. Секунда проходит. Другая. И еще несколько. Я в это время молюсь всем известным и неизвестным богам, чтобы меня уволили, стараясь не задумываться о том, почему Игнат не спе-

шит озвучивать свое решение и так пристально изучает мою персону. И вообще стараюсь смотреть куда угодно, только не на него. А он все молчит и молчит. Хоть обморок изображай, честное слово!

– Возраст? – наконец, нарушает молчание.

У самого папка перед глазами. И все равно у меня спрашивает. В документ вовсе не смотрит. Меня так и тянет соврать или вовсе нагрубить и сбежать отсюда поскорее, но я сдерживаю эмоции и отвечаю, как есть:

– Двадцать три.

– Образование?

– Высшее юридическое.

Взгляд Орлова скользит с моего лица ниже, к зоне декольте, и еще ниже. Разглядывает, будто купить собирается. Придирчиво. Совсем не спеша. Раздражающе. А я вдруг зачем-то начинаю размышлять о том, что несмотря на возраст и рождение ребенка, по-прежнему похожа на угловатого подростка со всего лишь вторым размером груди. И на бедрах, скрытых узкой юбкой, полно беременных растяжек. И... Боже, о чем я только думаю?! Совсем рехнулась, что ли, на фоне нервного потрясения?!

– Семейное положение? – задает новый вопрос Орлов, больше похожий на приказ.

И вот на него я отвечаю не сразу. Совсем не хочется признаваться, что одинока. Да только в личном деле отметка стоит именно такая, не соврать. Впрочем...

– Не замужем. Но имеется жених.

И на мгновение дышать перестаю от собственной то ли смелости, то ли глупости. Лучше б вовсе молчала! И по-прежнему не смотрела в его сторону. Особенно, если учесть, какой нехороший оттенок появляется в его ухмылке.

– Может, и в декрет, в таком случае, тоже собираешься?

От упоминания о ребенке сердце сбивается с ритма и начинает биться быстрее прежнего.

– Может, и собираюсь, – отвечаю больше на автомате, чем осознанно.

Он ведь не знает, правда? Пожалуйста, пусть это простой вопрос, а не намек!

– Зря.

Ответ не развеивает мои опасения. Наоборот, заставляет сомневаться и нервничать еще больше.

– Уволите? – все же интересуюсь с надеждой на лучшее.

Не смогла скрыть эмоцию. И похоже, в моем голосе ее чересчур много слышится, потому что Игнат склоняет голову чуть влево. Опять молчит. Секунд пять. А потом...

– Следующий.

Папка с моим личным делом остается на столе. И это самое удручающее и печальное зрелище в моей жизни за последние пять лет. Хуже него только уголовное дело на сидящего передо мной, которое я, увы, изучила уже после того, как умудрилась познакомиться с ним ближе нужного. Впрочем, я избавляюсь от этих воспоминаний уже вскоре. Как

только, после нескольких последующих увольнений, доходит очередь до той, кто явилась в конференц-зал вместе с Лизой.

– Судакова Эльвира Викторовна.

Взгляд Орлова скользит по брюнетке модельной внешности с головы до ног и обратно. Но то не удивительно. У нас весь мужской контингент пускает на нее слюни. Еще бы, грудь четвертого размера, широкие бедра, зеленые глаза, длинные густые волосы, пухлые губы и соблазнительный голос. И не важно, что часть ее красоты – искусственно созданная.

В общем, насколько сильно она нравится мужчинам, настолько же сильно ее ненавидят наши дамы. Я же сейчас готова ее расцеловать! Ибо на фоне Эльвиры я еще больше выгляжу несуразным подростком. А значит, вряд ли могу привлечь мужское внимание Игната.

– Замужем? – единственное, что спрашивает у нее Орлов.

– Нет, конечно, – улыбается она.

Ее личное дело также оказывается на столе. Как и личные дела еще нескольких девушек. Всего – девять. Ни одного мужчины. Или хоть одного специалиста старше тридцати. В результате уволено более, чем девяносто процентов всего нашего штата. Подозреваю, все это делается с одним желанием: окружить себя несколькими любовницами сразу. Кобель!

– Все, кто остался, по очереди пройдут индивидуальное собеседование, в течении оставшейся части сегодняшнего

дня, – подводит итог Агата, собирая отложенные дела, – после чего Игнат Алексеевич примет окончательное решение, где и в качестве кого вы сможете работать в этой организации.

Она еще не договорила, а он уже уходит...

– А то не все еще поняли, в качестве кого он видит всех нас здесь, – бормочу себе под нос, стараясь не кривиться слишком заметно ему вслед.

– Хм... думаешь, он ищет себе нового секретаря? – задумчиво отзывается на мои слова Лиза.

Смотрю на нее и не знаю, то ли мне плакать над ее наивностью, то ли смеяться. Особенное, когда понимаю, что и сама некогда такой же была. Когда-то давно. Так давно, что уже и не вспомнить.

– Может, не нового? – скептически хмыкает Эльвира. – Второго? – выносит предположением, оглядывая нас всех.

– Или третьего, – усмехается Агата.

Она-то все еще здесь. Хотя тоже направляется на выход.

– Только не секретаря, а секретутку, – вставляю свои пять копеек. – И вы как хотите, а я увольняюсь. Я нанималась работать юристом, а не проституткой в узаконенном борделе прислуживать.

С такими словами беру со стола, за которым еще недавно сидел Орлов, бумагу с ручкой и начинаю писать заявление по собственному.

– Учти, заявление ему сама понесешь. Или волчий билет

с увольнением по статье получишь, – хмыкает на содеянное мною Агата, прежде чем удалиться.

Не озвучиваю вслух того, что лучше волчий билет получить, чем оставаться рядом с ее начальником. Просто дописываю начатое и с самым решительным видом иду ставить точку в нашей сегодняшней с Игнатом встрече. И я искренне надеюсь, что после этого мы с ним уже точно больше никогда не встретимся.

– Туманова, Игнат Алексеевич, – предупреждает Агата, прежде чем впустить меня в кабинет генерального директора.

Вхожу и на мгновение замираю под пристальным взглядом полночно-синих глаз, только сейчас поняв, что собеседование будет происходить наедине, о чем подтверждает хлопок закрывшейся двери за моей спиной. Следующие секунды, пока я приближаюсь к столу начальства, вовсе растягиваются в вечность. И заявление об уходе не отдаю – почти кидаю ему на стол. А ведь так и спалиться недолго. Но поганое воображение рисует все больше картин с самыми жуткими итогами нашего общения, отчего сохранять невозмутимый вид удается с превеликим трудом.

Конечно, я не раз и не два в свое время прокручивала в голове подобные эпизоды, но одно дело представлять эфемерное будущее, и другое – когда оно наступает уже сейчас, вот так внезапно.

Что за издевательство? Пять лет прошло. Пять! Я уже и

думать не думала, что мы когда-нибудь свидимся. И вот, пожалуйста, явился не запыхавшись. Почему именно сейчас? Почему наша фирма? Я же совершенно не готова к подобному повороту! И как я объясню Максу, зачем нам нужно уехать прямо сегодня, как можно дальше? Не правду же? Он же тогда первый потащит меня обратно в руки Орлова, что меня совсем не устраивает. Так что выбор очевиден.

– Я увольняюсь.

Фраза режет слух, настолько скрипуче звучит сейчас мой голос, и я в очередной раз поспешно отвожу взгляд, стараясь посмотреть куда угодно, только не на Игната.

– Я умею читать, – отзывается тот, хотя могу поклясться, даже не взглянул на бумагу, слишком остро чувствуется его сканирующий взор на мне. – Причина?

Он так и не перестает смотреть на меня, пока тянется к ручке.

То есть... подпишет? Если придумаю что-нибудь вразумительное в качестве обоснования? Вот только – что? Мозг ни в какую не соглашается генерировать что-то умное, сколько я ни заставляю себя думать. Кроме разве того, что:

– Меня не устраивает ваша политика ведения дел.

Краем глаза отмечаю, как на его губах расцветает мрачная насмешка.

– И чем же конкретно она тебя не устраивает?

Мужская рука сжимает ручку, которая застывает над листом бумаги.

Значит, желает знать правду? Ну, ладно!

– Всем, – признаюсь на одном дыхании. – Я достаточно слышана о вас, Игнат Алексеевич, чтобы понимать, что мы с вами никогда не сработаемся. Такой ответ вас устраивает? – наконец, позволяю себе вновь посмотреть ему в лицо.

И зря я это делаю, потому что Орлов заинтересованно приподнимает бровь. Ручка ложится на мое заявление – о ней он забывает, как и о бумажке, сосредотачивается исключительно на мне. Откидывается на спинку кресла, обманчиво расслабленно устраиваясь поудобнее.

– Так говоришь, словно я только что предложил тебе встать на колени и отсосать у меня, а ты ни разу не такая, – сообщает напоказ равнодушным тоном.

Я едва не задыхаюсь от возмущения и непроизвольно краснею от такого откровенного заявления. А может от того, что он, сам того не ведая, ткнул меня в мое же двуличие. Ведь будь я действительно не такой, той нашей совместной ночи никогда бы не произошло. Впрочем, той ночью Игнат со мной и не общался в такой манере. Наоборот, я в жизни больше не встречала в мужчинах того трепета и благородства по отношению ко мне, какое проявил он тогда. Ни до, ни после. Оттого его слова выглядят еще более обидными и оскорбительными. Настолько, что я, поддавшись силе этих эмоций, подаюсь вперед, упираясь в столешницу ладонями, и говорю то, чего прежде никогда бы не подумала озвучить вслух.

– Представьте себе, – произношу ядовито. – Совсем не такая. И даже ни разу еще никому не отсасывала. А теперь, когда мы все прояснили, подпишите уже мое заявление и разойдемся, как в море корабли. Надеюсь, навсегда, – подвигаю лист с заявлением к нему ближе.

Вся его показная расслабленность испаряется в одночасье. Он резко поднимается со своего места и, как и я до этого, подается вперед, но упирается в стол кулаками. Выдыхает отрывисто. Теперь расстояния между нами настолько катастрофически мало, что каждое последующее слово я ощущаю, наряду с его дыханием.

– Не услышал в твоих словах отказа от самого предложения, – произносит Игнат вкрадчиво.

Я фактически заставляю себя оставаться пребывать в прежнем положении, хотя очень хочется не просто отшатнуться, а сбежать из кабинета прямо сейчас. И наплевать, как это будет выглядеть в его глазах, в расширенных зрачках которых я сейчас могу отчетливо рассмотреть саму себя. Слишком близко он. И слишком хорошая у меня память, решившая непонятно с чего сыграть со мной в опасную игру, подкинув несколько сцен прошлого, где мы вот также с ним... рядом. Дышим одним воздухом на двоих. И губы горят как от ожога, еще даже не прикасаясь друг к другу. Невольно облизываю их, с шумом втягивая в себя тот самый воздух. И все это вместо того, чтобы вдарить по его наглой роже и свалить как можно дальше! Точно дура! Как и та са-

мая, чересчур хорошая память, которая все никак не желает затыкаться. Буквально прошивает насквозь, вместе с прикосновением его пальцев к моему подбородку и нижней губе.

Благо, этого хватает, чтобы прийти в себя!

Отшатываюсь и едва не падаю, в последний момент хватаясь руками за край столешницы, тем самым удерживая себя на ногах.

– А я почти счел это согласием, – удручающе качает головой с ноткой издевки мужчина и вновь усаживается в кресло, подбирает ручку. – Или здесь просто слишком холодно для тебя... Тая? – дополняет насмешливо.

И вновь чертова память подкидывает момент, когда он точно так же сокращал мое имя. Только произносил иначе. Более нежно и с хриплыми от возбуждения нотками в голосе, от которых мурашки расползаются по всему телу даже сейчас. Тут же мысленно проклиная себя за подобные фантазии, а следом и свою любовь к тонкому белью, когда взгляд Игната показательно смещается с моего лица на грудь, где бежевая ткань блузы совсем не скрывает реакции тела. Хорошо, он больше ничего не говорит. Более того, на моем заявлении появляется его подпись.

От такой радости даже забываю о смущении и злости. Хватаю заверенное им заявление и, пока он не передумал, почти бегом направляюсь на выход из кабинета.

Ура! Свобода!

Правда, из-за отсутствия на своем месте Агаты, приходится поплутать по офису в поисках того, кому можно сдать документ – кадровики же все уволены. По итогу отдаю его находящейся в бухгалтерии вместе с остальными девочками Эльвире. После чего, наконец, забрав из конференц-зала свое пальто, покидаю здание уже бывшего места работы. Теперь остается только спрятать на ближайшие несколько недель Максима где-нибудь и искать себе новую работу, желательно в другом городе.

Глава 2

Тая

После долгих раздумий, мой выбор о том, у кого просить помощи, падает на отца. Не самое лучшее решение, с учетом наших отношений. Точнее, их отсутствия. Но если кто и способен защитить Макса от посягательств его отца в случае чего, то это он. Не зря возглавляет прокуратуру края, в конце концов. Поэтому уже к вечеру я вхожу в нужное здание, крепко сжимая маленькую ладошку сына в своей.

– Подождите здесь, – говорит секретарь, проводивший нас до нужного кабинета, после того, как получил на это разрешение свыше. – Олег Сергеевич скоро подойдет.

Усевшись за рабочий стол, он постоянно косится на нас с сыном. Явно служить сюда пришел уже после того, как я перестала появляться у отца на работе, потому и не в курсе о том, что у Платонова Олега Сергеевича есть дочь с внуком.

– Спасибо, – киваю и отворачиваюсь к Максиму, попутно стаскивая с себя шапку и расстегивая куртку.

Тоже самое проделываю с одеждой сына. В здании достаточно тепло, чтобы находиться полностью одетыми.

– А мы сюда надолго? – интересуется Максим, осматривая небольшое помещение, прижимая к себе свой рюкзачок в виде зайчика.

Там у него лежит термос с горячим сладким чаем. В еще одном рюкзаке, что за моей спиной, лежат наши коньки.

– Нет, малыш, – улыбаюсь ему, приглаживая торчащие во все стороны темные волосики на макушке. – Я только поговорю с дедушкой и поедем в парк, как собирались. Да?

Сын важно кивает и усаживается на ближайший стул, принимаясь махать ножками туда-сюда. Я же прокручиваю в голове то, что скажу отцу. Но вся заготовленная речь вылетает из головы, когда в поле зрения появляется его массивная фигура. В голубых глазах, как у меня, ни намека на теплоту в мою сторону. Только привычная стужа. Как и пять лет назад. Она поселилась в них ровно в тот момент, когда я сообщила ему о своей беременности и отказалась назвать имя того, кто меня «обесчестил». Тогда же я оказалась на улице, одинокая и без поддержки близких за спиной. И ни за что не пришла бы сюда сегодня, не будь иного выбора. Хотя уже не уверена в том, что выбор хорош. Ведь при виде внука на лице родителя возникает такое выражение брезгливости, что я невольно обнимаю моего мальчика за плечи, притягивая ближе к себе в неосознанном стремлении защитить.

– Идем, – распахивает он дверь своего кабинета.

Просторное и светлое помещение встречает нас тишиной и прохладой из-за приоткрытого окна, возле которого стоит массивный дубовый стол, куда отец не спешит садиться, оставшись пребывать у входа. Я же достаю телефон с наушниками и присаживаюсь перед Максом на корточки.

– Посмотришь мультики, пока мы ведем взрослые разговоры? – прошу.

Мой малыш вновь согласно кивает. Усаживаю его в кресло для посетителей, открываю нужное приложение и прибавляю громкость, на всякий случай. Надеваю шапочку обратно ему на голову, чтобы не продуло, и только после этого поворачиваюсь к отцу.

– Здравствуй, – говорю негромко, чувствуя себя под его давящим взглядом вновь восемнадцатилетней неуверенной девочкой.

Вот только той девочки давно уже нет. Она умерла в тот момент, когда те, кого она любила, отказались от нее в самой грубой форме. Ночевки на вокзалах и в аудиториях университета стали финальным аккордом в ее существовании. Повезло, что у меня были денежные запасы с карманных денег, и что однажды, когда я в очередной раз пряталась под партой, устраиваясь на ночлег, меня обнаружила наш преподаватель по психологии Марина Семеновна. Именно она, совсем чужой и малознакомый человек, проявила ко мне снисхождение и доброту, забрав жить к себе на все годы моего обучения. Благо, мне хватило ума в свое время получить достаточно высокие баллы за школьные экзамены и поступить в университет на бюджетную основу. Но, конечно, без Марины Семеновны я бы не справилась со всеми проблемами, что на меня свалились: отсутствие жилья, денег, вещей, беременность со всеми ее прелестями, учеба и сам ребенок.

Женщина ни разу не попрекнула меня ничем, еще и переживала иной раз за меня так, как мать родная никогда не делала. Странная штука – судьба.

Сейчас эта замечательная женщина живет в Канаде у своего сына с его женой. И если с отцом не выгорит, наверное, придется опять обратиться к ним за помощью. Хотя и не хочется втягивать посторонних людей в свои проблемы. Достаточно того, что я по-прежнему живу в квартире Марины Семеновны, которая наотрез отказывается брать с меня деньги за проживание. Я только коммунальные услуги оплачиваю. До сих пор не верится, что такие люди в наше время еще существуют.

– Вот так просто? Здравствуй, и... все? – хмурится отец.

Я от подобного заявления даже не сразу нахожусь со словами. Он ведь не ждет, что я, после всего, брошусь ему на шею, как раньше, правда?

– А что еще я должна сказать, по-твоему? Или сделать? – все же уточняю.

Нет, ну мало ли. Может и правда ждет, а я не в курсе. Вот только обнимать его и быть приветливой у меня точно нет никакого желания, несмотря на ситуацию, в которую сама себя загнала.

– Ну, это же не я к тебе пришел. Без предупреждения. Спусти пять лет, – криво усмехается отец.

Проходит дальше по кабинету. В стеклянном графине на отдельном столике стоит вода, он наливает ее в стакан и де-

дает несколько глотков.

– Что случилось, Тая? Понятно ведь уже, что не просто так ты ко мне сюда заявила, да еще и с ребенком, – бросает на Максима косой взгляд и возвращает свое внимание ко мне.

Я тоже смотрю на сына, похожего как две капли воды на своего отца. Такой же темноволосый, синеглазый, даже овал лица и улыбка, как у Игната. От меня ровным счетом ничего и нет. И раньше я о таком даже не задумывалась, а сейчас это жутко бесит. Радует, что ребенок не замечает нашего к нему излишне пристального внимания, поглощенный происходящем на экране. Не радует признаваться из-за необходимости в том, кто же стал донором для его зачатия. Но я же не помолчать сюда пришла.

– Его отец объявился, – признаюсь тихо, а внутри против воли все замирает в ожидании реакции отца.

Хмурые черты смурнеют еще заметнее.

– Спустя столько лет захотел поиграть в родителя? – спрашивает, вновь глядя на ребенка. – И что хочет? В суд подаст, опеку отберет? Или делить будете?

Ну, вот мы и подошли к сути...

– Не знаю, – вздыхаю и тру ладонью лоб. – Я не говорила ему о беременности. Так что по идее он не должен знать, но...

И только теперь понимаю, насколько жалким и глупым выглядит мой порыв и приход сюда, как и все сказанное.

– Я просто боюсь, что, если узнает, то действительно захочет отобрать, – заканчиваю тише прежнего в качестве оправдания.

Черт, этот разговор выходит еще хуже, чем прошлый, с признанием о беременности! Вот и реакция родителя убеждает меня в том же.

– Ты... Что? – не верит он моим словам.

Будто каждое слово выплевывает. Настолько скрипуче звучит его голос. А дальше – сплошной мат. Отборный. Отец торопливо отходит к окну, теперь смотрит туда. То и дело сжимает и разжимает кулаки, возвращается к разговору лишь спустя минуту.

– И в кого ты такая дура, а? – разворачивается ко мне.

Он явно собирается сказать много чего еще по поводу моих умственных способностей, но обрывает сам себя. Лицо – уже багровое, от переполняющих его эмоций. А вот для меня его оскорбление, пусть и правдивое, наоборот служит отрезвляющим душем. Вся растерянность и чувство вины смываются в одночасье, и я гордо вскидываю подбородок, глядя на отца прямо и уверенно. Да, не лучшая тактика в моем положении, но о том, какая я безмозглая, мне и без него известно. Ничего нового, чего бы ни сообщал раньше, не скажет. Да и не жалею я о своем молчании.

– А от меня-то ты чего хочешь, я не пойму? – добавляет отец. – Адвоката тебе толкового найти, или что? Кто он вообще такой, этот твой загадочный папаша твоего чада, кото-

рого ты от меня так упорно столько лет скрываешь? Ты даже этого мне не говоришь, Тая, – перешел на обвинительный тон. – Говори уже, зачем пришла. Хватит мямлить.

Ну, не мямлить, так не мямлить, ладно...

– Адвокат не нужен. Мне нужно, чтобы Макс пожил некоторое время у вас с мамой. Пока я не обустроюсь в другом городе и не смогу его забрать к себе, – произношу на одном дыхании.

Да так и не выдыхаю. Жду. И проблемы с насыщением кислорода тут не у меня одной, едва до папы доходит, в чем смысл моей просьбы, как его лицо багровеет еще больше.

– В какой еще другой город? Может, на Аляску еще решишь сбежать, чтоб уж наверняка? – снова сжимает кулаки, шагнув мне навстречу. – У тебя кукушка совсем съехала? Что за дела ты проворачиваешь, я не пойму? А ну-ка нормально объясняйся, как есть! – приказывает. – У тебя проблемы? Он алкаш, наркоман, вор, или что? С кем ты связалась, что аж бежать решила? Говори, Тая! – окончательно срывается.

Интересно, если скажу, что убийца, ему полегчает?

Впрочем, я в любом случае ответить не успеваю. Это за меня делает мой мужчина.

– Не кричи на мою маму! – велит он, спрыгивая со стула и вставая между нами, крепко сжимая в руках телефон, в то время как наушники уже лежат на полу.

Я невольно улыбаюсь его действиям, позабыв обо всем на

свете. Материнская гордость во мне сейчас просто зашкаливает. Хотя, конечно же, малыша не мешает успокоить. Что я и делаю, подходя к нему и присаживаясь рядом на корточки.

– Все хорошо, мой хороший. Мы просто немного поспорили. Так бывает, – говорю мягко. – Меня никто не обижает, правда.

Максим еще немного сверлит моего отца хмурым взглядом, но уже вскоре расслабляется и позволяет усадить себя обратно на стул. Правда, теперь он смотрит мультики в полглаза. Больше следит за нами, чтобы мы больше не кричали. Защитник мой!

– Ты, или расскажешь мне нормально. От и до. Как есть. Или сама и дальше свои проблемы расхлебывай, Таисия. Я все сказал. Повторять в сотый раз не стану. Надоело. Каждый раз с тобой одно и то же, а в итоге все равно по-своему делаешь, меня совсем не слушаешь, – кривится отец, указывая нам обоим на дверь.

Ага, если я расскажу, это будет еще хуже. Зная отца, Игнат сразу отправится за решетку... и ладно если только за свои заслуги, а то ведь и изнасилование припишет. Мое. И еще чего наберет по глухарям, прибегнув к помощи своих приятелей. С него станется. А сыну я потом что говорить буду? Что дедушка психанул, а мать подтвердила? Хороша семейка, ничего не скажешь.

– Если ты пообещаешь, что ничего не будешь предпринимать в сторону отца Макса, то я все скажу, – все же пытаюсь

найти компромисс.

Суровые черты отца разглаживаются. Он явно призывает себя к спокойствию, хотя ему это удастся с видимым трудом.

– Ты от кого залетела, Тая? От бен Ладена что ли, чтоб так говорить? – криво усмехается.

– Почти, – тоже кривлюсь в искусственной улыбке. – От Игната. Орлова.

И все. Тишина. Даже дыхания нашего не слышно. Только одного Макса. Который, слава богу, не слышит нас.

Или слышит...

– Игната? Мой папа приехал?

Твою ма-а-ать...

То есть меня...

Отвешиваю себе мысленный подзатыльник. И проклиная себя за малодушие. За то, что не сказала правду ребенку, а солгала о том, что его папа работает в другом городе и не может быть рядом. Теперь попробуй объясни, что говорится.

– Не совсем, малыш, – тщательно подбираю слова для ответа. – Он просто дал о себе знать.

Затыкаюсь, понимая, что зря это преподношу так. Слишком много надежды в моих словах для него. Вон как глазки загорелись.

Отец тяжело вздыхает. Подходит к своему столу. Нажимает одну из кнопок на стационарном телефоне, служащей соединением по внутренней связи.

– Абдулов, зайди ко мне, – коротко бросает и кладет труб-

ку.

Тот, кому велено явиться, появляется в кабинете, и полминуты не проходит. Высокий блондин, обманчиво худой, с добродушным лицом и озорными карими глазами. В иной ситуации я бы даже заинтересовалась им, но сейчас отмечаю его внешность отстраненно, как бы между прочим.

– Займи ребенка чем-нибудь, – отпускает новым распоряжением.

Подчиненный согласно кивает и протягивает руку Максиму.

– Идем, дружище.

Конечно, сын никак не реагирует на предложенное. Я его первым делом научила не общаться с незнакомыми людьми, чтобы те не предлагали взамен. И сейчас он с точностью выполняет сказанное мной. На меня смотрит в ожидании.

– Иди. С ним можно, – улыбаюсь ободряюще я Максиму. – Он тебе покажет, где лежат сладости, – добавляю заговорщицким шепотом. – Их там много-много и все разные.

Мужчина в звании капитана как раз достает конфету и подмигивает ребенку, задабривая того.

– Правильно, сперва надо разрешения у мамы попросить, – хвалит, после чего все-таки уводит Максима из кабинета.

Вот теперь отцу сдерживаться совсем не обязательно. Он и до этого этим особо не страдал. Сейчас так и вовсе...

– Да ты совсем безголовая что ли, Таисия?! – срывается

на меня, едва мы остаемся одни. – Игнат Орлов! Ты в своем уме?! Ты где вообще умудрилась с ним связаться?! Да половина преступности всей области на его совести! Даже ментов, и тех купил, только поэтому еще ходит не под небом в клетку.

– И не будет, – реагирую я мрачнее нужного. – Не собираюсь потом оправдываться перед сыном еще и за это. Да и не знает он о Максе, пусть так и останется, – вздыхаю устало, прижимая пальцы к вискам, в которые сейчас будто иглы вонзают.

А еще на каток идти.

– А познакомились в клубе, на мое восемнадцатилетие, – продолжаю. – Он помог мне, – замолкаю на мгновение, прежде чем продолжить, – спас от группового изнасилования, – отворачиваюсь к окну, за которым уже совсем стемнело. – Да и откуда мне было знать, что он какой-то там криминальный авторитет? – повышаю голос невольно. – У него на лбу о том не написано. А в общении со мной он и вовсе был предельно вежлив и мил.

Отец... закашливается. Еще на упоминании «групповое». Воду из стакана выплескивает в горшок с цветком, стоящий на окне. Открывает один из шкафов. Достает водку. Ее себе наливает. Первую же порцию опрокидывает залпом. Даже не морщится. Еще наливает. Хотя в этот раз употреблять не спешит.

– Ребенка в самом деле на Аляску отправишь, – выдает,

спустя продолжительное молчание. – Или где там эта твоя благодетельница обитает, в чьей квартире ты живешь. Думаю, не откажет, раз вы такие подружки с ней. А сама в городе останешься. Свалишь, он неладное заподозрит. Если не знает о сыне, значит, просто делай вид, что нет никакого ребенка. Полгодика проживешь без Максимки, ничего с тобой не случится, зато пацана оградишь, – выносит вердиктом. – Потом к нему поедешь. Там жить будешь. Пока я с Орловым разбираюсь.

Впервые в жизни я не только не спорю с ним, но и не хочу этого делать. И даже не удивляюсь тому, что он в курсе о том, как я жила все эти годы. Внутри все крутит от осознания того, что мне придется бросить моего мальчика не на какие-то жалкие две недели, а на гораздо больший срок. Полгода – это же целая вечность! Пусть и во благо. Как он там будет, без меня? А я – здесь, без него?

– Хорошо, – озвучиваю вслух свое согласие. – Но давай ты никак не будешь разбираться с Игнатом? – прошу уныло. – Он меня все равно не помнит, судя по всему. Из компании я тоже увольняюсь. Орлов ее только купил. Заявление мое подписал уже.

– Хм... – задумывается над моими словами отец.

Приговаривает вторую порцию огненной воды.

– Зачем Орлову ваша шарашкина контора? Нет, компания солидная. Просто он же не по этой части, – пускается в рассуждения. – Ты уверена? Какое-то это странное совпаде-

ние, – вздыхает. – Хорошо, если в самом деле совпадение. И вот так просто взял и подписал? Реально не помнит тебя? Как можно спасти девушку, а потом не помнить? – прищуривается и пристально разглядывает меня, продолжая сомневаться.

– Он был очень уставшим после трех почти бессонных ночей и долгого перелета, если верить его словам, плюс немного выпил, так что неудивительно, наверное, что не помнит, – пожимаю плечами и отгоняю воспоминание о том, как Игнат сам же просил у меня номер телефона.

Цифры я, по его же просьбе, написала ему прямо на ладони. Как он тогда сказал, чтоб не потерять и не забыть. Но по итогу так и не перезвонил, и не написал. Да и сегодня, когда осматривал нашу толпу, взора на мне не задержал. Только когда имя услышал. Да и то взгляд был далек от узнавания. Обычная мужская оценка. Хотя вот последующее его поведение в кабинете... но опять же сама дура, что повелась на хамские подначки. В любом случае, даже если узнал, в личном деле о Максе ни слова не указано. Ну, не мог же он меня так проверять?

Вот тут все мои дневные страхи, улегшиеся на время, вернулись в полной мере.

– Да нет, быть того не может! – отвечаю сама себе уже вслух. – Помнил бы, не устраивал этот спектакль, а если б знал о сыне, сразу же пришел с претензиями, – отрицательно качаю головой, сама своим словам не веря больше. – Сказать

ему о Максе тоже никто не мог. Никто не в курсе, что он от него. Я же даже тебе не говорила поэтому... – поднимаю беспомощный взгляд на отца.

– Ладно, не паникуй раньше времени, – успокаивает он меня. – Сейчас поедете домой, подружке своей позвонишь, договоришься обо всем, ребенка соберешь, потом мне привезешь. Я тут еще часа три буду, потом свободен. Сопровождение у меня через полчаса, надеюсь, не задержимся еще дольше, – косится на свои наручные часы.

– Сейчас не могу, – не соглашаюсь. – Я Максимум каток обещала.

– Да, конечно, на каток своди его. И в балет. И в ночном клубе тоже не забудь засветиться, – сердится ответно отец. – А еще лучше сразу плакат закажи, чтоб в центре города повесили, напротив окон в квартире Орлова, – качает головой.

– Ты не прав, папа, – укоряю и тут же исправляюсь под его ироничным взглядом. – То есть, прав. Но Максимум всего четыре. У него и так стресс будет из-за расставания, так пусть хоть на хорошей ноте оно произойдет. Я не могу взять и вывалить ему, что он уезжает куда-то один, и через полчаса посадить на самолет. Мне и так ему много чего придется объяснять. Да и если Игнат не в курсе о сыне, то один вечер погоды не сделает.

Наверное...

Вот и отец недоверчиво хмыкает.

– Ты ко мне за помощью пришла, правильно? Я помогаю.

А ты слушайся. Не просто так говорю. Все-таки у меня опыта по-жизни побольше. И в кого ты только такая упрямая, а? Что не скажешь, всегда поперек идешь, – заканчивает устало.

Смотрю на него с выразительным скепсисом. Ну уж точно не в маму, которая никогда и слова поперек не скажет ему. А еще вновь признаю его правоту. И мысленно, и вслух. Он прав. По всем пунктам. Это я просто оттягиваю неизбежное из-за собственного эгоизма.

И зачем Игнат только вернулся в мою жизнь? Ведь все было так хорошо...

О том и размышляю, пока одеваю расстроенного Максима, кратко объясняя ему, почему мы не едем на каток, и иду на выход. А вот на крыльце едва не падаю со ступеней. И дело не в гололеде, или в том, что путь к такси нам перегородивает автомобиль черного цвета немецкого автопрома, а просто, прислонившись спиной к боку последнего, стоит тот, кого здесь точно быть не должно. И на совпадение это уже совсем не тянет.

Нет! Быть того не может!

Глава 3

Игнат

Неделю назад, получив потрепанную визитку с названием фирмы, занимающейся логистикой, и коммерческим предложением о продаже, первый мой порыв – вышвырнуть нелепые бумажки. Я не из тех, кто ведется на просьбы, дурные шутки или шантаж. Благотворительностью я тем более не занимаюсь. Вот только к визитке и предложению прилагался еще один документ. Именно он вынудил притормозить и вчитаться в строки подробнее.

Если верить проведенному анализу ДНК, то выходило, что у меня есть... сын. Сам анализ оказался подлинным. Но установить адресата столь недвусмысленного послания не удалось. Как и не удалось разобраться, что за игру такую мне предлагают.

Шарады я люблю. Как и многоходовки. Вот и принял навязанные правила. До поры до времени. В конце концов, мне ничего особо не стоило купить фирму, близкую к грани банкротства.

Кто осмелился бросить мне подобный вызов?

Самый элементарный вариант – мать ребенка.

Почему сама не пришла?

Набивает себе цену?

Или поближе познакомиться захотела?

Кто ж этих баб знает.

Как так вообще получилось?

Святым я никогда не был. И тот факт, что я скорее заберу свое, а с ней церемониться не стану, думаю, каждая вполне себе может сразу усвоить. Я не из тех, кто прогнется под обстоятельства и будет плясать под чужую дудку. Торговаться со мной... Желаю удачи. Хотя вряд ли она поможет и спасет, когда я доберусь до того, что мне нужно. А я – постепенно, но подбирался. Неспроста устроил это мажорское представление с увольнением, пусть и не совсем так должно происходить изменение штата и численности сотрудников после регистрации перехода права собственности. На х*р мне не сдались все эти бесполезные, при деятельности которых фирма чуть не прогорела.

Можно было просто выгнать всех и все. Заочно. Как поступил с генеральным. Однако тех, кто хоть мало-мальски подходил под параметры матери для моего сына, я нарочно оставил. Как и выбил привычную почву из-под их ног. Если уж дамочка смогла скрыть от меня такое и не приползла раньше, с выдержкой у нее однозначно все в порядке, просто так себя не выдаст. К тому же, ни одна из девиц не показалась мне знакомой, даже после беседы. Было бы куда проще просто напрямь своих ребят, те умеют выбивать и вытаскивать правду. Из кого угодно. При любых обстоятельствах.

Но...

Развлекаться я тоже люблю. Да и не знает пока никто истинную причину. Слухи мне ни к чему.

И этого вполне хватает...

Ловушка захлопывается намного быстрее, нежели я рассчитывал. В личном деле Тумановой наличие детей не отмечено. В отличие от той же Беляевой. Или еще одной. У той и вовсе двое. Близнецы. Но я своему чутью привык доверять. Оно меня редко подводит. Безусловно, еще оставались некоторые неучтенные факторы, да и личные предположения – еще не доказательство. А значит, пора их раздобыть.

На том и концентрируюсь...

Лично.

Итогом оказывается, как ни странно, здание прокуратуры...

Не особо радужное обстоятельство.

Выходящая с центрального входа девушка замечает меня почти сразу. Останавливается на полушаге, едва не падая со ступени, в последний момент вовремя находит равновесие. Смотрит на меня в упор, не мигая, с идеально прямой осанкой, будто железный стержень вместо позвоночника. Невысокая. Миниатюрная. С принципами. Если вспомнить наш с ней недавний разговор. Или же искусно прикидывается. С бабской лживостью я знаком прекрасно. Иногда настолько искусная, что нереально не поверить. Они сами себе верят в такие моменты. И меня обманывают. И себя. Настоящих редко встретишь. Хотя по части «настоящего» конкретно в

этой – много чего есть. В том плане, что никаких накладных ресниц, нарисованных бровей и прочей х*рни, которой так увлекаются многие. И даже грудь скромненького второго размера. А вот бедра – покатые. Я помню, насколько тонкая ее талия, еще когда была прикрыта лишь блузой, сжатой широким поясом юбки, над которым – пятно с отпечатком детской ладошки чуть выше лопаток. Уверен почти на все сто, что именно эту ладошку она сейчас сжимает. Мальчик лет... пяти? Или меньше. Одетый в светло-коричневый комбинезон с медвежьими ушками. И явно расстроенный, вон как то и дело показательно всхлипывает, косясь на мать, которая совершенно этого не замечает. Зато уверенным жестом одной руки задвигает его себе за спину, пряча от моего взгляда.

Весьма показательно!

– Ну, ма-ам, ты обеща-ала. А обещания надо выполнять, сама говорила, – слышится от ребенка, но никакой реакции, конечно же, так и не получает. – И в Канаду я никакую не хочу, – добавляет недовольно в еще одной попытке привлечь внимание матери.

Но она же у него с принципами. Упрямая. И, похоже, собирается свалить от меня обратно в здание.

В самом деле испугалась?

– Туманова, ты что, так моими увольнениями сегодня впечатлилась, что сразу в прокуратуру жаловаться на меня пошла? – отпускаю комментарием с добродушной усмешкой.

Я выбираю верное направление беседы, потому что де-

вушка явно колеблется. По итогу, выбирает путь наименьшего сопротивления. В смысле, на этот раз не бежит. Или нет...

– Макс, ты ведь помнишь, где дедушкин кабинет? – обращается к мальчику, но смотрит при этом все равно исключительно на меня.

Словно боится пропустить момент, когда я перестану изображать из себя простодушного дурачка и вцеплюсь ей в горло.

Не сказать, что такое желание меня не посещает...

Прямо сейчас.

– Помню, – шмыгает тот носом, выглядывая из-за ее спины и с интересом рассматривая меня. – Но не пойду, – добавляет угрюмо. – Ты меня на каток не ведешь, я не пойду к дедушке, – выставляет ультиматумом.

Вот теперь девушка оборачивается к нему.

– Это что, шантаж? – переспрашивает, словно не веря, что правильно все расслышала.

– А ты обещания не держишь! – звучит встречным обвинением.

– Ну, знаешь! – явно обескуражена она поведением сына.

– Ребенок правильно говорит, Туманова, – поддакиваю, кивая, пользуясь моментом, шагая им навстречу.

– Вас забыла спросить, – ожидаемо огрызается девушка, а следом снова обращается к сыну: – Макс, я тебя прошу, просто сделай, как я сказала, потом, так и быть, будет тебе

каток, – сдается под гнетом обстоятельств.

Этого времени мне вполне хватает, чтобы сократить разделяющее нас расстояние. И раз уж девчонка к диалогу со мной не особо расположена...

– Значит, тебя зовут Макс? – обращаюсь к мальчику, протягивая ему руку. – А я – Игнат.

И если сперва на мой порыв он закрывается от меня, прячась за мать, то после второго озвученного имени выглядит наоборот.

– Игнат? – повторяет. – Моего папу тоже зовут Игнат.

Туманова едва слышно ругается себе под нос, глядя на меня теперь с откровенной опаской. Делаю вид, будто не замечаю.

– Максим Игнатович, значит?

– Вообще-то Олегович, – поправляет он меня. – Но...

Но тут отмирает его мать.

– И на этом нам пора, – перебивает ребенка. – Всего доброго, Игнат Алексеевич, – бросает непосредственно мне, а затем снова сыну: – Ты же хотел на каток? Поехали!

Будь ее воля, теперь бы точно свалила. Если не в здание прокуратуры, так в такси. И мне стоит больших усилий оставить свои конечности при себе, а не вцепиться, если не в горло, так хотя бы в руку, банально запихнув обоих на заднее сиденье, чтобы увезти, куда удобно уже мне самому.

– Да. Верно, – сосредотачиваюсь непосредственно на девушке. – В машину садись, – добавляю пока еще в предло-

жении.

– Нет, – выдыхает она, отступая к дверям.

– Что, с ночевкой тут останешься? – делаю вид, словно меня не бесит ее реакция, пряча эмоции раздражения за новой добродушной усмешкой. – Или как ты себе представляешь все то, что будет дальше? – вопросительно выгибаю бровь.

Я, конечно, имею некоторый запас терпения.

Но не безграничный же.

Судя по тому, что она до сих пор не обвинила меня в сумасшествии на фоне преследования и не засыпала встречными вопросами о том, что я тут вообще забыл, то я всецело прав. Уже практически больше не сомневаюсь, новый анализ ДНК в скором времени это подтвердит. Вот и в голубых глазах отражается замученная обреченность и смирение.

– Мой отец областной прокурор, учти это, когда решишь что-то сделать, – предупреждает, наконец, сдаваясь.

Да мне пох*р, кто у тебя отец...

Но да ладно.

– Что, например? – отзываюсь беззаботно, разворачиваюсь и спускаюсь со ступеней. – Так говоришь, словно похитителя во мне увидела, – открываю заднюю левую дверцу и снова разворачиваюсь к ней лицом.

Она приближается медленно, будто через силу заставляет себя делать эти шаги. Я отсчитываю каждый. Сын, поймавший настроение своей матери, тоже притихает. Хотя в машину садится с улыбкой победителя, осматриваясь вокруг с

восхищением. А вот Туманова замирает у дверцы.

– Выбор без выбора или похищение – иногда это одно и то же, – говорит тихо только для меня, прежде чем присоединяется к ребенку и сажает его к себе на колени, не забыв пристегнуться раньше.

Включаю радио.

– Пересядь. На переднее. Или придется тебе меня терпеть еще на полчаса или час дольше, если не поговорим сразу.

Настраиваю звук так, чтобы основная громкость шла к задним колонкам. Пока еще тихо.

– Значит, потерплю, – доносится от нее негромкое, но уверенное. – У тебя все равно нет детского кресла, – добавляет через паузу.

Она ж с принципами...

– Ну, извини, я как-то не в курсе был до настоящего момента, что оно мне пригодится, – отзываюсь справедливо. – Но ты продолжай в том же духе. Меня все устраивает, – «утешаю» следом.

Громкость так и не прибавляю. Наоборот, ее почти совсем не слышно, когда автомобиль трогается с места.

– Каток где?

– Парк «Семейный».

Больше ничего не говорит, сосредотачивает внимание на сыне, слегка расстегивает детский комбинезон и стаскивает с него шапочку, заботливо приглаживая темные волосики.

– Хочешь пить? – интересуется.

– Не, – отрицательно качает он головой. – Мам, а давай купим такую же машину? Красивая, – заканчивает с восхищением, трогая черную тканевую обивку переднего кресла с пассажирской стороны.

– И кто ее будет водить? – улыбается она, с интересом ожидая ответа. – У меня нет прав, я не могу. Ты – еще маленький для этого.

– Так я же вырасту, – справедливо замечает он.

– Вот когда вырастешь, заработаешь, тогда и купишь, и будешь ездить на такой. Она, знаешь, сколько стоит?

– Много, да? – грустно вздыхает мальчишка.

– Очень много, – согласно кивает его мать.

Ребенок ненадолго замолкает.

– Значит, вырасту, заработаю, куплю и буду тебя катать, куда захочешь, – выносит вердиктом по итогу.

– Договорились, – целует девушка его в щеку.

Я делаю вид, будто интересуюсь только дорогой – тем, что впереди, поглядываю в зеркала только при перестроении. Но и этого вполне хватает, чтоб каждая черта мальчишки впилась в разум, оставляя вместе с собой какое-то странно убогое чувство чего-то существенного, не поддающегося определению.

В самом деле похож на меня?

Если вспомнить все свои нелепые детские фотки, которые родители в свое время с особым фанатизмом развешивали по всему дому, то выходило, что да.

Цвет глаз такой же.

Оттенок волос.

Мимика.

А может я просто самого себя убеждаю?

Многие дети похожи. Друг на друга. На других взрослых.

Не все ж теперь мои...

Сходу.

Сама мысль – у меня есть сын.

Она...

Странная.

Чуждая.

Никак не приживается в моей голове...

Просто машина. Просто поездка. Просто два малознакомых мне человечка позади. Ничего экстраординарного, по сути.

Или за все эти годы я просто слишком тщательно и основательно разучил себя что-либо чувствовать?

И вряд ли сумею научиться обратному...

– Мам, а я в эту Канаду надолго уеду? И почему нельзя с тобой остаться? Я не хочу без тебя, – выдирает из мыслей очередной вопрос мальчишки.

Туманова косится на меня и не спешит отвечать так сразу. Лишь по прошествии минуты подает голос.

– Давай обсудим это после катка, дома? – предлагает.

– Значит, надолго, – грустно вздыхает ребенок.

– Это если твой отец даст разрешение. Насколько я пом-

ню, вывозить ребенка за границу без согласия второго родителя, запрещено, – встречаю в разговор.

Да, пока еще не ставлю ультиматумом. Просто напоминаю ей о вероятном будущем, которое может наступить.

– Мой папа работает в другом городе, поэтому пока я дедушка, – сообщает ребенок раньше, чем Туманова успевает его одернуть.

– Дедушка? – переспрашиваю. – Дедушка... Олег?

С областным прокурором тесно общаться мне не приходилось, так что его имя я вспомнить не смог бы в любом случае.

– Платонов Олег Сергеевич, – вставляет уже сама Туманова, глядя на меня при этом странно оценивающим взглядом.

Загорается красный сигнал светофора, и я останавливаю машину на перекрестке. Все ее переглядывания я игнорирую. Оборачиваюсь, обхватив рукой кресло.

– Знаешь, Макс, сдается мне, что твой папа уже не в другом городе работает, – сообщаю ему доверительным тоном, склонившись ближе.

Конечно, мальчишка тут же загорается надеждой и воодушевлением.

– А где? – интересуется, глядя на меня во все глаза.

– Не стоит говорить того, чего не знаешь, – предупреждающе вставляет девушка тут же.

Позу я не меняю. Лишь слегка – наклон головы.

– Но ты-то знаешь наверняка, – перевожу взгляд на нее,

глядя прямо в глаза. – Вот и скажи.

Молчит. Тоже смотрит и молчит. А я зачем-то пытаюсь нарыть в своей памяти хоть что-нибудь, что сделает ее той, кого я могу узнать. Довольно сложное занятие, с учетом, что я к блондинкам в принципе предвзято отношусь. Не мой типаж. Хотя пухлые губы – это как раз по мне. Они у нее еще и довольно яркие, даже без косметики. То ли кусает постоянно, то ли сами по себе такие.

– Говори, Тая, – напоминаю скорее себе, нежели ей.

А то что-то не туда и совсем несвоевременно мои мысли, связанные с ее губами, понеслись...

На своем имени она вздрагивает и отворачивается.

– Даже если он сменил место работы, это еще ничего не значит. Не нужно давать ребенку надежду там, где ее, возможно, нет, – произносит совсем тихо дрожащим голосом.

– Надежду? – выгибаю бровь.

Сигнал светофора меняется. Позади начинают пиликать машины, и я возвращаю внимание к дороге.

– Завтра видно будет, – добавляю, не нуждаясь в ее ответе.

После анализа ДНК.

На х*р сантименты.

– Так папа опять не приедет? – грустно вопрошает ребенок.

На этот раз молчу. Пусть сама выкручивается.

Хотя...

– А это уже от твоей мамы зависит, Макс.

И прям чувствую, как мне в затылок ввинчивается ее полный гнева взор. И последующий ответ несет в себе тот же отпечаток эмоций.

– Видишь ли, Макс, даже если твой папа приедет к нам, это не значит, что он сможет здесь задержаться.

– А что так? Он у вас летчик-испытатель что ли? – не удерживаюсь от насмешки. – Откуда столько сложностей?

До места назначения остается не так уж и много, и я ловлю себя на мысли, что сбавляю скорость до минимума. Фактически плетусь в веренице других машин. И все чаще поглядываю назад, на двух своих пассажиров, а не на дорогу.

– Ага, выездной травматолог, – язвит одна из них.

– Какая интересная профессия, – улыбаюсь снисходительно ей в ответ. – А познакомились вы с ним... где? В полевой реанимационной палатке?

– Как догадался?

– По анамнезу. У кое-кого тут явно проблемы с памятью. Возможно, была травма головы. Или иное неменяемое состояние.

– Точно, – криво усмехается она. – Лечение, как видишь, вышло что надо. С последующей амнезией. У врача.

Звучит, как обвинение...

И заставляет задуматься.

Игра слов – это, конечно, занятно, однако, если в итоге чувствуешь себя проигравшим, ощущение довольно мерзкое.

А я не из тех, кто привык к такому...

– Но ты же говорила, что вы на танцах познакомились? – разоблачает мать ее сын. – И что он тебя от плохих дядей спас.

Это что, еще одна ее сказка для ребенка?

– Так и есть. Но их же трое было, а папа совсем один. Поэтому он немного пострадал, – уже откровенно устало отвечает Туманова.

Да и до нужной точки назначения мы доехали. Остается лишь найти место для стоянки.

– Не хило вы так вылечились, в таком случае, – замечаю встречно, заворачивая между рядов припаркованных авто.

Девушка поджимает губы в недовольстве, но больше ничего не говорит, принимается одевать сына. Еще несколько минут и все готовы к тому, чтобы отправиться на каток. Я выхожу из машины первым. Следом за мной появляется Туманова, помогает выйти сыну и поспешно отходит от машины. Меня не дожидаются, беря направление в сторону входа парка. Вот только не доходят. Где-то сбоку слышится собачье рычание, лай и последующий скулеж.

– Макс, нет! – все, что успевает выкрикнуть девушка, а мальчишка со словами «там песика обижают» уже срывается с места и бежит в сторону звуков.

Бл*дство...

Беспризорные шавки могут быть очень даже опасными. Особенно, если их много, они напуганы и голодны или де-

лят что-либо между собой. В общем, как некоторые слои человеческого общества, с которыми мне приходилось сталкиваться довольно часто, так что ничего нового я, поспешив за матерью с сыном, не увидел. Стая из нескольких кобелей кидается на одного грязно-белого молодого пса, который уже почти и не сопротивляется, лежа на грязном снегу. Именно к нему и бежит ребенок, фактически накрывая того собой по итогу.

– Макс! – снова кричит Тая, бросаясь за ним.

Ловлю и отталкиваю ее в последний момент. Упускаю из вида, куда она приземляется, сосредотачиваюсь на глупой выходке мальчишки, не до нее сейчас, да и без разницы, если честно.

– Выстрели! – слышится полный отчаяния голос девушки. – Напугай их! Выстрели!

Самый легкий способ. Да и огнестрел при себе. Привычка. Но до него не доходит. Хватает и собственных сил, чтобы отогнать собак. Те, разумеется, не прекращают гавкать, прикрывая им свое трусливое отступление, но все же скрываются с глаз долой, когда я поднимаю мальчишку.

Обошлось...

– Господи, Максим, ты с ума сошел? – вскоре оказывается рядом с сыном мать, сжимая того в крепких объятиях. – Ты зачем это сделал? Ты же пострадать мог! – требует ответа, чуть отстраняясь, и легонько встряхивает мальчишку. – Я тебе сколько раз говорила, что от бродячих собак нужно

держаться как можно дальше? Почему ты такой непослушный, а? – почти шепчет под конец, снова сжимая в объятиях.

– Но они же делали больно, – произносит ребенок в оправдание, не понимая, почему его ругают за вроде как хороший поступок.

– Да. Больно, – отвечает девушка срывающимся от волнения голосом и слезами на глазах. – Но это не повод, чтобы бросаться в толпу озлобленных животных, Максим! А если бы они тебя ранили? То больно было бы уже тебе! А еще мне! За тебя! Нельзя же так! – снова крепко прижимает к себе.

Я остаюсь в стороне ровно до этих слов. Слишком уж ярко накатывает глухое раздражение.

– Не учи его быть трусом и бояться за свою шкуру, только потому, что так мамочка велела и ей страшно жить, – морщусь брезгливо, опускаюсь перед Максом на корточки. – Но! – переключаюсь на него. – В чем-то она права. Ты подумал о том, как справишься с ситуацией, прежде чем пустился геройствовать? У тебя хватило бы сил? Если не знаешь наверняка, сперва научись, уже потом что-то делай.

– А я учусь, – пристыженно говорит Максим. – Я уже много месяцев занимаюсь каратэ, – поясняет гордо.

– Вас на каратэ учат падать ничком и притворяться трупом? – хмыкаю скептически.

– Нет, – обратно сникает мальчишка. – Но собачке же нужно было помочь, – приводит свой старый аргумент. – Я помог. Я не трус.

– Никто и не говорит, что ты трус. Но смелый падающий ничком труп – все равно труп. А это уже проявление не героизма, а глупости. Согласен? – выпрямляюсь.

– Ладно, – кивает и хитро улыбается. – В следующий раз тебя позову, – отворачивается от нас с его матерью и к пострадавшей собаке обратно направляется.

М-да уж...

Вот и в ответном взоре девушки явно та же реакция.

– Спасибо, – все же благодарит она меня едва слышно, поднимаясь обратно на ноги. – И за помощь, и за объяснения.

Кажется, хочет добавить еще что-то, но в итоге под предлогом помощи сыну сбегает из моего общества. Пострадавшая псина все еще лежит, не поднимается, зато все ладони мальчишке, кажется, вылизать успевает за это время. Можно подумать, только недобитого кобеля мне в моей жизни и «не хватает» ко всему прочему...

Глава 4

Тая

Что происходит? Что я делаю? Куда себя загоняю? Зачем? Почему до сих пор не сообщила отцу о том, с кем уехала и куда? Почему не бегу от Игната, зная, что он обо всем догадался? Это уже неоспоримый факт. Как и тот, что не отпустит теперь. Не Макса. А сына уже не брошу я сама. И как быть? Договариваться? Вряд ли такое прокатит с Орловым. Слишком бескомпромиссный он человек. Достаточно вспомнить все, что произошло за сегодняшний день, чтобы это понять. Но делать-то что-то надо ведь! Только что?

Этими вопросами я задаюсь последние полчаса, как согласилась сесть в машину Игната. Даже сейчас, глядя на трясущиеся ладони, которыми я ошупываю предельно аккуратно тело пострадавшей собаки, не могу дать себе четкого ответа на них. Зато отчетливо понимаю, что снова проникаюсь симпатией к нему. Наблюдаю за его массивной фигурой краем глаза, пока тот пребывает в каких-то своих мыслях. Возвышается над нами, как незыблемая скала. Такой красивый. Сильный. Уверенный в себе. Непокосимый. Бесстрашный. И совсем не похож на того, кому приписывают десятки убийств и прочих зверств.

В глубине души я понимаю, что во мне играет благодар-

ность по большей части. Теперь еще и материнская. Но с другой стороны, вряд ли отъявленный душегуб способен на такое великодушие. В том плане, что будь он и правда таким, то просто прошел бы мимо, не вмешиваясь в чужие проблемы. Зачем они ему? Но он не прошел. Ни тогда, ни сегодня. Конечно, можно все списать на то, что ему известно о Максиме, но мне почему-то хочется верить, что Игнат и сам по себе не настолько зверь, каким его описывает отец в своем «деле». Последующее согласие отвезти раненое животное в ветеринарную клинику повышает эту веру в нем. И кажется, я все-таки схожу с ума. Потому что, когда он говорит: «Счет за химчистку вычту из твоей зарплаты», я в ответ толькожимаю плечами.

– С учетом, что ты ее выплачиваешь, все равно из твоего кармана будет оплачено, – добавляю вслух и усаживаюсь в машину. – К тому же, ты мог отказаться.

– Это не отменяет тот факт, что тебе придется ее отработать. По полной, – отзывается Орлов, прежде чем самолично захлопнуть за мной дверцу.

Он обходит машину и усаживается за руль. Я же на этот раз молчу. Не хочется вступать в глупую полемику и объяснять ему прописные истины о том, что не все в этом мире продаются, в чем он так убежден. Тем более, при сыне такое обсуждать уж точно не стоит. И так наговорились сегодня. Все. У ребенка скоро передоз информации будет. Хотя сейчас ему явно ни до чьих-либо разговоров. Кроме собаки, не

видит и не слышит никого. И даже когда мы отдаем ее на осмотр, не прекращает волноваться.

– С ней ведь все хорошо, да, мам? – повторяет то и дело, прижимаясь ко мне всем тельцем.

– С ним. Это кобель, – поправляет Игнат.

Можно подумать, ребенку есть до этого дело.

– Собака – она моя, женский род, – парирую невозмутимо. – Но имя выбрать надо все же как для мальчика, здесь ты прав. Надо же как-то его звать будет дома?

А сама смотрю на сына в ожидании его реакции. Все равно бы попросил оставить, да и жалко пса обратно на улицу отправлять после всего. Хороший он, ласковый.

– Ты правда его у нас жить поселишь? – неверяще переспрашивает Максим.

– Ну, не бросать же его теперь на произвол судьбы? – усмехаюсь. – Как тебе Лаки? Счастливчик. Как в мультике про далматинцев. Этот тоже очень счастливый, что встретил тебя в нужный момент.

– Лаки, да, я согласен, – радостно кивает мой мальчик, обнимая меня обеими ручками. – Спасибо, спасибо, спасибо. Я тебя люблю, мамочка. Ты у меня самая-самая лучшая.

Ну вот, а еще час назад едва ли не ненавидел за отъезд в Канаду. И не я одна о нем вспоминаю...

– Вот и бегство, то есть переезд в Канаду сам собой добровольно отменяется, – комментирует Орлов.

Вот не мог помолчать?

Когда он молчит, я даже почти готова его терпеть рядом с нами.

– Одно другому не мешает, – говорю как бы между прочим.

Ответом мне служит мрачная ухмылка.

Благо, к нам возвращается ветеринар.

– Ну что? – снова не терпится узнать о своем новом друге сынишке.

– Все хорошо, – уверяет его Артем Дмитриевич, судя по бейджику. – Ничего серьезного. Раны я все обработал. Держать у нас не вижу смысла. Его отмыть, да откормить и будет здоровый пес.

Макс радостно улыбается и кивает.

– Мы его заберем. Мама разрешила! – заявляет гордо.

Внимание фельдшера сосредотачивается на мне, и я вижу в зеленых глазах мужской интерес, когда его взгляд проходит по мне с головы до ног, отчего я заметно краснею и поправляю шерстяную ткань юбки зачем-то. А он, заметив это, еще и улыбается.

– Да, мы заберем, – согласно киваю я. – Вы только прививки сделайте ему, какие надо.

– На сегодняшний день с него хватит. Позвоните мне завтра, после обеда, назначим вам новый прием, – все еще улыбается, запуская ладонь в карман, вытаскивая визитку, протягивая ту мне.

Личную визитку.

Невольно кошусь на Игната, но тот смотрит на все это с равнодушным видом.

– Хорошо, спасибо, – не сразу, но забираю предложенное, пряча ее в карман куртки.

– Забирай своего пса и помоги матери его в машину усидеть. Я пока расплачусь, – предлагает Орлов ребенку.

– Я сама расплачусь, а потом заберу пса, – не соглашаюсь с ним, глядя исключительно на Артема Дмитриевича.

Тот кивает и приглашает меня к стойке с терминалом. Правда, мне удается сделать всего полшага в указанном направлении. Мое запястье перехвачено. А я сама – одним рывком притянута в сторону. Вплотную к Игнату. Фактически впечатана в него. Вместе со словами мне на ухо:

– Я. Сказал. Иди. В. Гребанную. Машину.

Голос – тихий и низкий. Вибрирующий. Бьющий по моим нервам, скручивая и вместе с тем вытягивая их в напряженные струны, которые не рвутся только чудом от посланной по ним скрытой угрозы. И мне бы испугаться, послушать его, сделать, как он говорит, но на деле я замираю и впитываю в себя эту эмоциональную мелодию, несущую с собой самое настоящее бедствие. Смотрю в потемневший взор, а мыслими снова переносюсь в вип-комнату с тремя ублюдками, откуда он меня вытащил. В тот миг в его глазах тоже царил непроглядная ночь, напугавшая почти до истерики, прежде чем я поняла, что он пришел помочь, а не «добить».

– Пошла, – добавляет Игнат.

Но не отпускает. Сперва запускает руку в карман моей куртки и забирает визитку, которую комкает в кулаке. После этого только отталкивает от себя.

На этот раз я даже не думаю спорить. И не жду, когда мне приведут нашего нового родственника. Иду за ним сама, игнорируя непонимающий взгляд ветеринара. А когда возвращаюсь в коридор, того уже нет. Как и Игната. Только Максимка. При виде меня он подрывается с места.

– Игнат с доктором ушли в другой кабинет. А я вас с Лаки жду, – сообщает довольно и тут же переключается на собаку. – Ты ведь не против быть Лаки? – спрашивает у него и смеется, когда получает в ответ облизывание лица.

– Ну, все, дома наобнимаетесь, после того, как отмоем нашего красавчика, – одергиваю обоих, а Лаки вовсе к себе подтаскиваю за выданный поводок.

Тот на удивление послушно замирает.

– Умница, – хвалю его, потрепав между ушей, и направляюсь к выходу.

Максим тоже хватается за поводок и идет рядом. Так мы и достигаем нужного нам автомобиля. Жаль, я даже подумать о побеге не успеваю, как следом появляется Игнат. Ожидаю, что он до сих пор зол, как тысяча чертей, но все намного хуже. На его лице застывает ничего не выражающая маска, хотя в глазах – чистая ярость. Я снова внутренне напрягаюсь. И не зря.

– Макс, ты пока в машине посиди, я твоей мамочке пару

слов скажу, ладно? – спрашивает, но в дозволении не нуждается, ловко захлопывая дверцу за ребенком и псом.

Я остаюсь на улице. Прижатая к этой же самой дверце. Как в капкане. Одна рука Орлова плавно опускается на капот. Другая – забирается мне в волосы, скользит по шее, к затылку, крепко обхватывает и вынуждает запрокинуть голову выше. И в этот раз проявившиеся на коже мурашки не имеют ничего общего с удовольствием. Страх. Дикий. Безотчетный. Пронзающий каждую клеточку моего тела. Как и его дальнейшее предупреждение.

– Будешь со мной и дальше в игры играть, я тоже начну. И поверь, дочь прокурора, тебе это совсем не понравится, – произносит сухо, почти безразлично, хотя во взоре лютая буря бушует. – Хоть сто раз своего папочку умоляй о помощи, со мной это не прокатит, уяснила?

Хочется спросить, что же такого я сделала, но молчу. Просто согласно киваю. В конце концов, что такое гордость, когда до нашего с ним расставания остается совсем немного? А там позвоню отцу и... что будет дальше стирается из разума вторым предупреждением.

– Сейчас я вас домой отвезу. Утром на работу придешь. Задумаешь свалить, или еще какой-нибудь номер выкинешь, я тебя вычислю. Хоть из-под земли достану. Даже на краю света. И тогда не буду таким понимающим и вежливым. Это тебе, надеюсь, тоже вполне понятно? Или разжевать подробнее?

Киваю согласно на первую часть сказанного и тут же отрицательно мотаю головой на последний вопрос. Ну а что тут еще скажешь? Объясняет Игнат доходчиво. Даже очень. А я еще не совсем дура, чтобы спорить с разъяренным мужиком. Пусть сперва успокоится. А там – по обстоятельствам. Хотя он и тогда не отпускает. Просто стоит и смотрит мне в лицо, не позволяя самой отвернуться. И чем дольше смотрит, тем больше я снова погружаюсь в знакомый мне транс с картинками прошлого. Нежнейшие касания, поцелуи, успокаивающий шепот – все это и больше. Даже боль первого раза остается чем-то невзрачным. А затем... мой номер на мужской руке, его слова о том, что теперь я только его, обещание перезвонить, тест в моей ладони через несколько недель и фотографии из его дела. Последнее и приводит в чувства. Я вновь возвращаюсь в реальность, где слышится его новый вопрос.

– Где? И когда? Я тебя, бл*дь, совсем не помню.

Его ладонь на моем затылке сдавливает сильнее.

– Может это и не я тогда, а ты просто девушкой ошибся? – предполагаю тихонько.

И в этом уже моя ошибка.

– Ты, кажется, них*ра не усвоила урок, дочь прокурора, – в его голосе проскальзывает сталь, а ладонь смещается с затылка на горло, и снова давит, но теперь уже иначе, затрудняя дыхание. – Прекрати еб*ть мне мозги. Правду говори. И не играй со мной.

Правду? Я едва не смеюсь. Он сам понимает, как глупо звучат его эти слова?

– Правду? – все же не сдерживаю смешок, пусть и пропитанный горечью. – Какую правду, Игнат? Которую ты не помнишь? С чего тебе тогда верить в нее? Моим словам. Я же в таком случае могу сказать, что угодно, разве нет? Или может, мне сразу на ладони твоей признание написать? – касаюсь той руки, что по-прежнему сжимает мою шею, проводя пальцами по костяшкам пальцев. – Чтоб уж наверняка вспомнил и поверил.

И... черт, это ведь не обида в моем голосе слышится? Этого только не хватало! Тем более что, кажется, я все-таки палюсь. Игнат слегка прищуривается и наклоняет голову чуть влево, разглядывая меня иначе, словно ищет какой-то определенный ответ или эмоциональный отклик.

– Может, я тебя и не помню, но фальшь я хорошо различаю. И в тебе ее слишком много становится.

Хватка на моей шее слабеет.

– Остальное завтра обсудим. После повторного анализа ДНК.

Еще секунда и я свободна. И все бы хорошо, но...

Стоп!

Повторного анализа ДНК, он сказал?

Что значит, повторного?

Настает моя очередь хватать его за запястье.

– Что еще за первый анализ ДНК? – спрашиваю, усиливая

хватку, чтобы не вздумал так просто избавиться от меня и вопроса.

Он и не избавляется. Хотя не без удивления прослеживает за моим жестом. И далеко не сразу возвращает взгляд к моему лицу.

– Да. Первый мне прислали. Так я узнал о том, что у меня есть сын, – отвечает Орлов, вернув себе отстраненность.

– Быть того не может! – невольно срывается с моих губ недоверчивое.

Потому что не может!

Потому что никто не знает!

Никто!

Отец и тот узнал только сегодня. Да и не узнал бы, не сложились так обстоятельства. А уж кто-то чужой и подавно не мог.

Что за бред?

Как такое вообще могло произойти без моего на то ведома?

– Утверждаешь, что это не ты сделала? – мрачно уточняет Игнат.

– Сперва прислала тебе анализ, а теперь отнекиваюсь? Нет, конечно! Сам подумай, зачем мне это нужно? – привожу веский на мой взгляд аргумент.

Но только на мой.

– Я и не такие фортеля в этой жизни видел. Порой, куда изобретательней, – не верит мне снова Орлов.

О, вот в это я верю! С его-то образом жизни... К слову, о нем.

– Игнат, ты прости, конечно, но учитывая то, как ты живешь, ты последний кому бы я сообщила о ребенке, даже если бы у меня возникли серьезные проблемы, которые я бы сама не могла решить, – говорю как есть.

– Все так говорят.

– Да зачем мне ты, когда я могу к отцу обратиться за помощью в случае чего? И молчала пять лет, кстати, чтобы потом вдруг прислать тебе головоломку по почте? Смешно!

– Деньги всем нужны. И твой отец не Бог. Не приплетай его сюда.

– Мне! Мне не нужны твои кровавые деньги! – почти выплевываю эти слова. – Ни мне, ни моему сыну! Никогда не будут нужны!

Сперва выпаливаю, уже потом думаю о том, что тем самым, возможно, снова злю его. Но нет.

– И такое я тоже слышал. Неоднократно, – пожал плечами Орлов.

– Р-р, – уже бешусь откровенно на его твердолобость и упрямство, топая ногой. – Ты просто невыносимый мужчина, ты знаешь это?! И жутко меня сейчас бесишь! Просто невозможно быть таким упертым!

Последнее, к слову, вполне взаимно, оказывается.

В глазах Игната снова рождается тьма. Колючая. Глубокая. Бездонная. Мгновение, и он снова опасно близко. Скло-

няется надо мной, как неминуемое возмездие. И я невольно крепче цепляюсь за его запястье.

– На себя в зеркало орать будешь, – шепчет тихо-тихо, а на его губах расцветает злорадная ухмылка.

– На себя в зеркало я любоваться буду, – отвечаю ему в том же тоне, несмотря на внутреннюю напряженность. – Все, хватит, отвези меня домой уже, наконец, и я забуду хотя бы на ночь все это, как страшный сон, – отворачиваюсь от него, глядя на огни вдоль дороги.

Хотя, кому я это пытаюсь донести?

Он словно и не слышит.

Снова в каких-то своих мыслях пребывает, внимательно разглядывая меня. То ли реально вспомнить пытается, то ли...

– Завтра, на работу, к восьми. И юбку смени на менее тесную, чем сегодня, – выдает непонятно с какой стати.

И если связанные с изменением решения по поводу моего увольнения мотивы я еще могу понять, то вот остальное...

– Юбка тебе чем не угодила? – обалдеваю с его просьбы. – И у меня еще неделя отпуска, если ты не знал.

– Ты в компании год не отработала. И такой отпуск разрешается на усмотрение вышестоящего руководства. А я хочу, чтоб ты вышла на работу. И юбка твоя эта мне не понравилась. Неудобная она, – сообщает, как данность.

Мои нервы к концу дня однозначно сбоят, потому что я начинаю улыбаться, как дурочка. И остановить себя не полу-

чается. А еще представляю, как он пытается втиснуть себя в ту самую юбку. Иначе, с чего бы ему считать ее неудобной? Если только, чтоб самому поносить. О другом просто думать сейчас не могу.

– Хорошо, ладно, – сдаюсь, лишь бы поскорее избавиться от стоящего напротив.

Заодно вспоминаю о другой своей юбке, которая свободная и длиной в пол. А главное, она с запахом, так что на него точно налезет!

– Вот и договорились, – тоже улыбается Игнат.

Только улыбка у него нахальная.

– Как придешь на работу, ко мне зайди. Вспоминать тебя буду, – подмигивает и все-таки отступает.

Э-э...

В каком смысле?

Зачем вспоминать?

Не надо меня вспоминать!

Я не хочу!

Глава 5

Тая

Утро начинается слишком рано. Кажется, я только закрыла глаза, а уже приходится вставать. Вчера, когда, наконец, избавилась от Орлова, меня только хватило на то, чтобы покормить всех, помыть, выгулять Лаки, да самой сполоснуться. На звонок отца я отвечала уже в полубессознательном состоянии, но ругань его запомнила хорошо. А что я поделаю? Не драться же мне с Игнатом было? Еще забрал бы Максимку, и все, не факт, что отец тогда помог бы. О том и сообщила ему. По итогу сошлись на том, что ко мне приставят соглядатаев. До поры до времени. И удобного случая. Дальше – тьма тьмущая ровно до звонка будильника и облизывания лица со стороны Лаки.

– Фу, Лаки, что ты делаешь? – отворачиваюсь и отпихиваю от себя наглуую морду.

Пес скулит и кладет ее на край постели, глядя на меня виноватым взором карих глаз. После вечерних омовений шерсть его приобрела серебристый цвет, присущий сибирским хаски. Подозреваю, один из родителей им и был. Только Лаки меньше в размерах с более узкой мордашкой, как у обычных дворняжек. Но все равно очень красивый.

– Ладно, прости, ты, наверное, в туалет хочешь, да?

Вчера перед сном он еще раз меня удивил, попросившись на улицу для своих нужд. Сейчас, похоже, тоже просится так.

Приходится вставать и одеваться. Мысленно ставлю себе зарубку, что будильник нужно перевести на десять минут назад. Чтоб пораньше просыпаться и не опаздывать потом никуда. Потому что к тому времени, как я сдаю Максимку в садик, до начала моего рабочего дня остается не больше двадцати минут, поэтому приходится заказывать такси, так что в офис я все же не опаздываю. А вот на ковер к начальству, как то просило вчера, идти сдаваться не спешу. Сперва захожу в свой отдел, оставить пальто и сумку, с удивлением отмечая там присутствие двоих парней и одной девушки. Новые сотрудники мне приветственно кивают, я – им, раздумывая над тем, когда Игнат успевает все делать. И все еще не спешу к нему идти.

Да, меня страшит его заявление о том, что он собирается меня вспоминать. Точнее, то, **как** он собирается это делать. И ничего приличного в моих мыслях по этому поводу нет. Честно, пытаюсь себя убедить в том, что это все лишь мои домыслы, и мужчина вполне вероятно имел в виду нечто иное, разговор там, к примеру... но дар убеждения в этот раз себя не оправдывает. Совсем никак.

В итоге, именно Агата, наблюдающая за моими метаниями по всему коридору рядом с ее приемной, решает мою дилемму. Просто берет и сдает меня Орлову по внутренней связи. Ничего не остается, как идти в его кабинет.

Будь сто раз проклят тот, кто меня так подставил!

И это еще один вопрос, на который я так и не нахожу до сих пор ответа. Просто потому что некому сдавать! Никто не знает! Если только этот кто-то из тех, кто присутствовал в день нашего знакомства в клубе и мог видеть меня в обществе Игната, а потом с Максом. Но кто?

Конечно, проще всего выяснить, разузнав, кто тогда арендовал вип-кабинки, а от них уже пройтись по гостям, но это тоже самое, что искать иголку в стоге сена. Пять лет прошло, всех и не упомнишь. И не факт, что у руководства клуба сохранились нужные записи. С другой стороны, папа и его служащие и не такое накопать способны. Решено: сегодня же попрошу его поработать в этом направлении. Заодно расскажу про все остальное. А пока пора разобраться с другим, не менее важным делом. Что там мой личный травматолог придумал для меня этим утром?

На первый взгляд Игнат выглядит совершенно не настроенным для беседы, больше занятый изучением какого-то документа. Но...

– Так и будешь там статую изображать? – произносит, так и не отрываясь от своего основного занятия.

Хорошо бы, но смысл? Вот и прохожу к столу, настороженно поглядывая на него. Отмечаю ослабленный узел галстука, на этот раз черного цвета, слегка взъерошенные волосы и в целом уставший вид, несмотря на вроде как «свежую» одежду.

– Ты что, не спал?

Вопрос срывается с губ раньше, чем я над ним задумываюсь. Тут же клянусь себя за несдержанность. Вот какая разница, спал он или нет? Никакой. Тогда зачем я этим интересуюсь? И похоже, не я одна задаюсь тем же вопросом, ведь Орлов одаривает меня удивленным взглядом и откладывает бумаги в сторону.

– Неважно, забудь, – тут же добавляю. – Сама не знаю, зачем спросила.

На его губах мелькает понимающая усмешка.

– Да, лишняя болтовня не по мне. Предпочитаю проводить время иначе.

В голове тут же мелькает тысяча и один вариант того, как он предпочитает проводить время на рабочем месте, только от работы там мало что фигурирует, вот и молчу. Мало ли. Вдруг я себе напридумывала всего и больше, а на деле все совсем не так? Да и сам про болтовню заикнулся.

– Юбка, смотрю, на этот раз что надо, – добавляет Игнат, оценивая мой наряд до щиколоток. – Снимай.

То есть правда собирается вспоминать меня через секс? И ждет, что я соглашусь? Да ни за что! Хватит с меня и одного раза с ним!

– Если она тебе так понравилась, могу подарить, но только отдельно от себя, – говорю, пятясь назад.

– Вчера мы с тобой совсем не так договаривались.

Да я вчера готова была на что угодно согласиться, только

бы уже расстаться с ним!

К тому же:

– Ты сказал прийти, я пришла. Сказал надеть другую юбку, я надела. Все.

Все, да не все. У Игната на этот счет иное мнение.

– Я не только о том, что было вечером. Днем.

Перестаю пятиться. Призадумываюсь над его словами. Кручу в голове нашу дневную встречу и понимаю, что я ничего не понимаю. О чем он?

– Днем я уволилась. И ты, между прочим, сам подписал мое заявление, а потом отозвал, – выдаю встречное обвинение. – Никаких других уговоров точно не было между нами.

Раз я не помню, значит не было, все просто.

Ведь просто?

Вроде как.

На первый взгляд.

– А я вот помню. Там, где ты встаешь передо мной на колени и радуешь меня своим болтливym ртом, и разговоры тут совсем не причем, – слегка прищуривается, медлит немного, неспешно сканирует меня с ног до головы, а после теряет всяческий интерес, возвращаясь к своим бумагам. – К концу дня соберешь мне реестр всех действующих договоров, с обозначением срока действия, условиями пролонгации, фактами нарушения исполнения обязательств, а также условиями оплаты. И Эльвиру мне позови, – окончательно забывает о моем существовании.

Пока он говорит, мои эмоции меняют спектр от возмущения до какого-то незнакомого мне чувства, которое острыми иглами вонзается в мою грудь. Я отгоняю его от себя, но не мысли о том, зачем ему Эльвира. Которая уж точно не откажется встать перед ним на пресловутые колени.

Боже, я точно с ума схожу!

Пытаюсь переключиться на рабочий лад, но перед глазами все та же Эльвира. На все тех же коленях. Перед все тем же Игнатом.

Кажется, я ненавижу.

Их обоих.

Но Орлова больше.

Так бы и отхлестала его теми же документами, что он изучает.

Даже ненадолго представила, как бы это выглядело. Полегчало. Самую малость, но все же.

– Что-то еще хочешь мне сказать? Или твоя память улучшилась? А может у тебя есть свои предложения.

И снова я его бью в своих мыслях. Так реально легче.

– Других сотрудников из своего отдела привлечь к работе могу? – уточняю, а то вдруг у них там тоже выдана своя порция распоряжений от начальства, и тут я такая распрекрасная явлюсь и впрягу всех.

И не зря спрашиваю.

– У них своя работа.

– Что будет, если не успею закончить к концу дня все со-

брать?

Надо же знать мотивацию на дело.

– На увольнение даже не надейся. К тому же, сегодняшний день заканчивается через... – бросает мимолетный взгляд на часы, – пятнадцать часов и сорок семь минут. Если не будешь их тратить впустую, то, вполне вероятно, успеешь.

Подсчитываю и обалдеваю.

– А ничего, что у нас нормированный рабочий день, а мне еще сына нужно из садика забирать и вести на тренировку?

– У него разве дедушки нет? Бабушки? А если не справишься с заботой о ребенке, значит твоя единоличная опека попадает под сомнение.

Не знаю, как меня не разрывает от всколыхнувшихся эмоций. Он ведь сам... сам забыл, не позвонил, как обещал, а я виновата? Тупая, конечно, мысль. Не о том я думать должна. Но все равно жутко бесит!

– Запоминать все лучше надо, глядишь, тогда бы и сомнений не возникало, – все же кидаю встречным обвинением и бегом покидаю его кабинет, не забыв от души хлопнуть дверью.

И никакую Эльвиру к нему не зову. Надо, сам пусть этим занимается.

Следующие пятнадцать минут я провожу в женском туалете, пытаюсь взять под контроль разбухшие им так не к месту эмоции. И ругаю себя. Ведь уже второй раз ведушь на его подначки.

Вот кто? Кто ему мог сообщить? Зачем? Так прекрасно все шло, а теперь... черт знает что. Одно знаю точно – сына ему я не отдам. Ни за что. Не заслуживает. Пусть другого себе рожает, как хочет.

На этой ноте успокаиваюсь и иду работать. Да и не все так плохо оказывается по итогу. Ко мне приставляют Лизу, она и помогает с выданным мне заданием. Точнее, ее приставляют ко всему отделу, но я нагло эксплуатирую девушку лично для себя. Минус такой эксплуатации в том, что она всю дорогу поет дифирамбы Орлову, чем невероятно раздражает, но я стараюсь игнорировать в себе это чувство. Отпускаю свою помощницу я лишь на обед, в то время как сама его пропускаю.

Черта с два Игнат меня сломает! Не позволю! Хочет весь реестр? Будет ему весь реестр! Пусть подавится!

И за сыном я все же в садик еду, когда приходит время. На тренировку тоже отвожу. И с Лаки успеваю погулять. Еще через полтора часа я еду забирать Макса с каратэ, попутно заказываю в офис еды, чтобы, когда вернусь туда с ребенком, тому было что поесть, пока я снова теряюсь в мире сотен других договоров. Немало трачусь по деньгам, но да ладно.

К тому времени, как заканчиваю, на часах светится приблизительно восемь вечера. Без двадцати. Макс за это время успевает изрисовать с десятков ненужных листов, доест все, что я заказала для него, посмотреть мультики и поиграть в развивающие игры на планшете.

– Ну, как ты? – уточняю у него, падая рядышком на диван для отдыха в углу помещения и запускаю пальцы в его мягкие волосики.

– Хорошо. Ты закончила работу? – отвлекается он от очередного своего художественного шедевра в виде кривого Лаки.

– Да, малыш, – улыбаюсь, перебирая темные прядки. – Сейчас передохну и поедem домой. Можешь пока начинать собираться.

– Не домой, – доносится от двери.

Та, оказывается, давно открыта. На пороге – Игнат Орлов собственной персоной, сложив руки на груди, прислонившись плечом к косяку.

– Хотя, понятие «дом», оно в принципе весьма относительное, – добавляет задумчиво.

Не на меня смотрит, наблюдает за Максом, который при виде него широко и радостно улыбается. А после вовсе спрыгивает с дивана и подбегает к нему, крепко обнимая того за ноги. И пока я пытаюсь зафиксировать в сознании эту картину, так как такое вообще впервые происходит на моей памяти – сын раньше всегда сторонился даже хорошо знакомых людей, выдерживая дистанцию, – мой ребенок добивает уже иным.

– Я скучал по тебе.

Он – что?

Скучал?

По малознакомому человеку?

И ведь не играет. Вон как смотрит с ожиданием и надеждой на Игната снизу-вверх. Который, как мне кажется, выглядит еще более удивленным случившимся, чем я.

– Раз так, значит будем это исправлять, – улыбается он добродушно ребенку, склоняется к нему и продолжает на порядок тише: – Только сперва твою вредную маму уговорим, да?

Максимка тихонько хихикает в ответ.

– Она не вредная. Только чуточку, – показывает двумя пальчиками, насколько чуточку не вредная я.

– Еще какая вредная. И пугливая.

Вот теперь сын смотрит на Игната в откровенном сомнении.

– Вчера вон как за тебя испугалась, – поясняет Орлов.

– Это с ней бывает, да, – тяжело вздыхает мой ребенок.

– Ну, все, хватит! – не выдерживаю уже я, поднимаясь на ноги. – Максим, одевайся, – говорю строго и указываю на лежащую на краю дивана его одежду. – Нам еще с Лаки гулять.

Вот только меня никто не слушает. Оба продолжают болтать о своем. То есть обо мне.

– Еще и ругается, ко всему прочему. Надо что-то с ней делать, а то скоро совсем невыносимой станет.

Максим призадумывается, а потом радостно хлопает в ладоши:

– Я знаю, что надо делать! – и прежде чем Игнат успевает

уточнить, что тот имеет в виду, продолжает: – Надо купить ей много-много мороженого с орешками и карамелью, – раскидывает руки в стороны. – Оно ей настроение повышает.

– А она не растолстеет? – сомневается Игнат. – Вдруг ее жених ее тогда бросит и замуж за него она не выйдет? Так и останется одна. С твоим папой.

Я только успеваю мысленно со всей обреченностью простонать, когда слышится гордое и уверенное:

– У мамы нет никакого жениха. Я – ее единственный мужчина!

– Не знаю, я, наверное, что-то перепутал, – напоказ беззаботно пожимает плечом Орлов. – Хорошо, если так.

А сам очень даже красноречиво смотрит исключительно на меня. С торжеством. Уверившийся в своей правоте. Тоже мне охотник за правдой.

Делаю вид, что мне вообще все равно. На его мнение – уж точно.

– Собирайся уже, единственный мужчина, – подталкивает ко мне ребенка.

Вот теперь тот возвращается ко мне и исполняет то, что я просила еще несколько минут назад.

Нормально вообще?

Снова посылаю Игнату выразительный взгляд, вкладывая в него всю свою злость.

Почему он просто не может исчезнуть из нашей жизни? Жил же до этого как-то без нас. Счастливо даже жил, я уве-

рена. Дался ему этот тест ДНК. У него таких потеряшек, возможно, половина города. Шел бы их искать тоже тогда.

Пока думаю об этом, Максим успеваает надеть на себя кофту, разуться, облечь ступни в шерстяные носки и просунуть ноги в комбинезон, дальше ему помогаю я. Сперва – с обувью, потом – со всем остальным.

– И мама не толстеет, – вспоминает он вдруг. – Соседка Даша говорит, что такие ведьмы, как мама, не толстеют.

– Ну, раз уж ты у нее единственный мужчина, то это уже не важно. Ты же не бросишь ее, если вдруг случится, что она вдруг все-таки растолстеет? – озадачивается Игнат. – Хотя ты прав, ведьмы – они такие...

– Ага, – кивает он довольно, запрокидывая голову, пока я застегиваю молнию до самого конца. – Они толстеют только когда беременеют.

Шапка, которую я только взяла, чтобы надеть на него, едва не выпадает из моих рук от такого заявления. На Игната я вовсе не смотрю.

– Парень, а ты уверен, что тебе четыре? – призадумывается над услышанным тот.

– Конечно, – не замечает мой мальчик подоплеки в сказанном. – Но я уже умею считать до десяти, и буквы знаю, и дни недели, и месяцы. Меня мама научила. А еще знаю, как делаются дети. И откуда они появляются. И вовсе не из животика, как мама рассказывала. В животике они только живут. Временно. Девять месяцев. Соседка Даша нам с Рома-

ном и другими ребятами все-все рассказала!

Он все говорит, а я завязываю веревочки от шапки под его подбородком и мысленно душу ими эту... Дашу, которую, порой, действительно проще убить, чем вовремя заткнуть. Поэтому на домашней детской площадке мы гуляем очень редко. Но метко, да.

– Да ты что? – «поражается» очередному откровению Игнат и берет ребенка за руку, когда я заканчиваю с шапкой. – Ну-ка, пойдём-ка, расскажешь мне тоже, – ведет за собой. – А то я вот не особо в курсе, как, например, ты появился. И, кстати, не девять месяцев, а сорок недель. Если как положено. А это...

Дальше их голоса стихают. А я все сижу. Почему-то и мысли не возникает, что мужчина может увезти Макса куда-то без меня. Настоящая беспечность, если так подумать. Но я верю в это. В конце концов, если бы хотел просто забрать его себе, то сделал бы это еще вчера. Возможностей была куча. Да и пока одеваюсь, замечаю в окне знакомый автомобиль. Оба стоят возле него и снова о чем-то разговаривают.

Смотрю на них и поражаюсь. Нет, не тому, насколько они похожи внешне. Хотя это действительно бросается в глаза. Дело в ином. Жестах. Один в один. Тот же наклон головы. Манера держаться. Жестикуляция руками. Мимика, в конце концов. Все это выдает их родственную связь, как ничто иное. Разве такое возможно? Раньше я так не считала. Но

что еще больше поражает во всей этой ситуации – поведение самого Максима. То, как быстро и легко он принял Игната и нашел с ним общий язык. Я, честно, ждала, что сын, как и всегда, будет против. Но нет. Возможно, потому, что мужчина не проявляет при нем мужского интереса ко мне. Или ему достаточно того, что я сама не принимаю Орлова, а значит волноваться не о чем. Не соперник. Или это все та же пресловутая связь отца и сына? Даже не знаю, радоваться мне этому, в таком случае, или наоборот. Хуже то, что в такие моменты я вижу не Игната Орлова – центр преступности нашего города, а Игната, спасшего меня от беды. И объединить их пока в одного человека не получается. Может будет проще, когда смогу это сделать? Но смогу ли? Вот в чем вопрос.

Глава 6

Игнат

Ночь выдается бессонной. Но продуктивной. Х*р его знает, с чего мне в голову шмаляет идея восстановления приобретенной компании, много возни с ней, но большую часть обозначенного времени я посвящаю именно этому. Других тоже нагружаю по полной. Утро – уже другое. В детском саду Максима медицинский кабинет есть в наличии, все остальное – вопрос элементарных деталей и некоторой суммы денег, вкупе с приглашенным специалистом. Результат должен быть готов этим вечером. И, когда мы собираемся ехать в медицинский центр за ним, девчонка из моего прошлого, которое я так и не вспомнил, пока не знает, за чем именно мы поедем. Дальнейший план последующих действий тоже давно и четко складывается в моей голове. В нескольких вариантах. В зависимости от обстоятельств. Я прокручиваю в своей голове каждый из них снова и снова, пока держу за руку мальчишку и веду его к своей машине, а он «учит» меня жизни: – ...и писает в нее, – заканчивает он воодушевленно объяснять, как происходит зачатие.

Я, честно, стараюсь не ржать. Но вполне остро задумываюсь о том, что к вопросу воспитания ребенка кое-кто мог бы подойти с куда большим энтузиазмом.

– Только не как обычно. А по-другому. Забыл, как это называется, – грустно вздыхает Макс.

Мы уже на стоянке, но усаживать его в салон я не спешу, хотя автомобиль давно прогрет и температура внутри позволяет. Останавливаюсь неподалеку от машины.

– Так, приятель. Давай мы вернемся к этой теме лет через десять? Тогда она тебе как раз очень актуальна будет, – предлагаю мальчишке. – Поверь, пока тебе лучше забыть об этом и сосредоточиться на работах и конструкторе.

Он хмурится и надувает губы.

– Вот и мама так же говорит, – совсем сникает. – Но десять лет – это так долго, а мне уже сейчас это интересно!

– Да что там интересного? От девчонок одни проблемы, – противопоставляю ему.

– Это да, – соглашается ребенок с тяжелым вздохом. – Они меня слюнявят вечно, – кривится. – Только Лера хорошая. Она не слюнявит. И не спорит со мной, во что играть будем.

Я в очередной раз поражаюсь уровню его развития, попутно размышляя о том, что при должном упорстве такой потенциал можно развить куда больше и сильнее.

– В тихом омуте черти водятся, – усмехаюсь на такое его заявление уже вслух. – Десять лет, – предупреждаю его, заодно напоминая. – И ни днем раньше.

– А потом можно будет?

На этот раз сдержать смех мне не удастся.

– Можно, – сообщаю честно. – После того, как научишься

использовать одну штуковину при этом.

– Какую?

– А вот через десять лет и узнаешь, – треплю его по макушке, прикрытой капюшоном.

Что за дебилый костюм?

Сразу видно, баба выбирала...

Родила бы себе дочь что ли тогда.

И...

Бл*дь, откуда такие мысли вообще берутся?

Ну, нах*р...

– Опять десять лет, – ворчит мальчишка, но тему не продолжает, переключается на другое. – А ты тоже с нами будешь через десять лет?

Вопрос ввинчивается в мой разум, подобно раскаленному пруту. Я не должен отвечать на этот вопрос. Даже для самого себя. До того момента, пока не открою заветный конверт.

– А ты бы как хотел? – интересуюсь встречно, опускаясь перед ребенком на корточки.

– Не знаю, – отвечает тот бесхитростно. – А ты на маме женишься?

– Сдается мне, твоя мать будет в ужасе от этой идеи, – отзываюсь искренне.

Но Макс уже хватается за нее. Ко всему прочему к нам подходит та, о ком идет речь. Ей и задает новый вопрос.

– Мам, а ты женишься на Игнате?

Девушка от такого заявления резко сбавляет шаг, а после

и вовсе на месте замирает. Смотрит попеременно на нас обоих и явно пытается понять, насколько серьезно мальчишка спрашивает о таком. В голубых глазах при этом действительно отражается ужас.

– Нет, – говорит торопливо. – Женятся только мальчики, – сглаживает для сына свой поспешный ответ.

– Женщины – выходят замуж, – услужливо подсказываю я ребенку.

– А замуж выходить будешь? – тут же летит в сторону матери новый вопрос.

– Да пока вроде не за кого, – разводит она руками. – А с чего вдруг столько интереса к этому? – уточняет. – Не ты ли говорил, что ты единственный мужчина в моей жизни, и лучше тебя не найти?

Мальчик с ответом так сразу не находится. Думает.

Снова усмехаюсь. И прихожу ему на помощь.

– Понимаешь, Макс, – встречаю в разговор, перетягивая на себя его внимание. – Это маловероятно по той причине, что есть одна проблема. Твоя мама – она совсем не как Лера. Много болтает. И не желает играть со мной в те игры, в какие я хочу. Сам понимаешь, зачем мне так страдать?

– Значит, ты просишь неправильно. Или предлагаешь какие-то не такие игры, – хмурится ребенок. – Со мной мама во все-все играет.

– Это потому, что ты ее сын, и она тебя сильно любит. Другие вот девчонки, к примеру, помимо Леры, с тобой во

все игры не играют, – отпускаю закономерным комментарием.

– А они, кроме своих кукол, ни с кем ни во что больше не играют. Скучные!

– Вот и я о том же. Девчонки, порой – сплошное разочарование, – поддакиваю на свой лад и выпрямляюсь.

Хватит уже. Пора ехать.

– Ясно. Братика у меня не будет, – грустно вздыхает Макс.

– У тебя Лаки вместо братика, – усмехается Туманова, открывая дверцу автомобиля.

И второй раз за последние минуты замирает. Глядя на детское автокресло. Его еще в районе обеда привезли и установили.

– Это намек на то, что рядом с сыном я сегодня не сижу? – уточняет у меня, хоть и не глядит в мою сторону.

Не отвечаю. Оставляю выбор за ней. На сегодня он у нее будет последним, в конце концов. Обхожу машину, сажусь за руль.

– Почему не сидишь? – интересуется ребенок, которого девушка ловко усаживает в детское кресло, а затем пристегивает. – А где сидишь?

– Да это я так, не обращай внимания, – не поясняет она, выбирая общество сына.

Никак не комментирую. Да и вскоре появляется другая забота. Стоит выехать на дорогу, а затем проехать несколько кварталов, как замечаю другую машину, следующую за на-

ми. Мутную. Чужую.

Закономерно напрягаюсь...

В итоге проезжаю мимо медицинского центра, до которого не так уж и далеко. Наворачиваю несколько бесцельных кругов, пока жду отклика на свое отправленное сообщение. И только после того, как ко мне присоединяется часть из сопровождения, а другая – тачку прижимает к обочине, возвращаюсь на прежний маршрут.

Как оказывается впоследствии, менты...

Ребят моих приняли.

Пусть и ненадолго...

Плюс в карму сидящей позади меня это не добавляет. Зато перебор в мою чашу терпения – очень даже. И заставляет сомневаться в прежде принятых решениях.

На х*р мне с ней связываться?

Чтоб сдала, при первой же возможности?

В памяти всплывает вчерашний инцидент с псами.

Как она попросила распугать свору...

Руль под моими пальцами скрипит едва ли тише, чем сжатые зубы.

Сука...

Самое смешное, будь девчонка просто подставой, избавился бы, как прознал, и не вспомнил даже. А так... На тебе, Орлов. Дочь прокурора. Потом не ной. Изначально знаешь, что берешь.

И как быть?

Паршивый вопрос.

И сомневаться я не люблю.

Выводит из равновесия...

А когда я его теряю, потом кто-нибудь умирает.

– Выходите, – командуя, вопреки всем мыслям, едва паркуюсь перед зданием медицинского центра.

Сам выбираюсь из машины первым. Пока девчонка возится с ремнями безопасности и помогает мальчишке вылезти, тупо пялюсь в мутное темное небо, пытаюсь вернуть себе спокойствие. Подоспевшие следом автомобили просто останавливаются рядом. Туманова бросает на них мимолетный взгляд и возвращает внимание ко мне. Ребенка она держит на руках.

– А мы где? – осматривается тот.

– Приехали забрать один конверт, – говорю, как есть. – Это ненадолго. Не переживай. Скоро поедешь к своему псу.

Сам же, первый направляюсь ко входу. Уже у него самого дожидаюсь парочку, придержав дверь.

– А что за конверт? – задает новый вопрос ребенок.

– С вашей пропиской, – пожимаю плечом беззаботно.

Замечаю, как девчонка напрягается, а в голубом взоре мелькает сотня сомнений и... да, паника.

Делаю вид, что не замечаю. Да и мне реально все равно. Просто подталкиваю ее внутрь. Дверь закрывается сама.

– Прописка, – повторяет за мной Макс по слогам. – Что такое прописка?

Мы оказываемся в просторном холле. Приветливая девушка в белом халате спешит навстречу.

– По документальной части твоя мама у нас спец, неспроста ж на юридическом училась, – отзываюсь для мальчишки, прежде чем переключиться к той, кто проводит, куда надо.

Она здоровается и лучезарно улыбается, распинаясь в потоке сахарной речи. От искусственной доброжелательности у меня в мозгах скрипит, словно все шестеренки восприятия ржавеют. Кажется, них*ра я так и не успокаиваюсь в полной мере. Никак не отпускает лютое желание сломать кому-нибудь хребет.

– Прописка – это документ, в котором указан адрес, где ты живешь, – слышится за спиной мягкий голос Тумановой. – Помнишь, мы с тобой учили улицу, номер нашего дома и квартиры? Вот это все вместе и есть адрес прописки.

Нас ведут по длинному пустому коридору. На самом деле в такое время центр уже прекращает прием. Но не для меня. Я заплатил им достаточно, чтоб они закрылись на два часа позже.

– А зачем тебе наша прописка? – удивляется Макс. – Ты же знаешь, где мы живем.

Рановато, конечно, такими громкими заявлениями бросаться, однако...

– Она у вас новая.

Да, выдержка мне машет ручкой...

А вместе с этим распахивает дверь кабинета, где нас ждет

возрастной доктор в здоровенных окулярах.

– Добрый вечер, Игнат Алексеевич, – расплывается в при-
ступе дружелюбия он. – Таисия Олеговна, – кивает и той, что
останавливается рядом. – Максим, – не забывает и о главном
событии этого вечера.

– Здравствуйте, – тихонько здороваается мальчишка в от-
вет, крепче прижимаясь к своей матери, которая так и не
спускает его со своих рук.

На столе, перед врачом – конверт. Его он мне и придви-
гает ближе, жестом предлагая устроиться в одном из кресел
для посетителей на такой случай. Посидеть я и у себя в ка-
бинете или в машине могу, так что просто беру конверт, рас-
печатывая тот. Не вижу смысла растягивать.

В медицинских заморочках я не силен, но общий смысл
вполне понятный. Результат... Тот, в котором я уже факти-
чески не сомневался, когда завел речь о прописке.

Почему?

Ее я ведь так и не вспомнил. Зато вспомнил другое. После
вчерашнего разговора с ней у машины. Тогда Тая упомянула
о номере телефона. Дальше мне оставалось только посчитать
и прикинуть по событиям своей жизни.

И все в итоге сходится...

– Центральная, сорок два, – озвучиваю уже вслух.

Вряд ли врач понимает, о чем я.

– Если нужны дополнительные пояснения, или консульта-
ция по результатам, я готов ответить на любой ваш вопрос, –

заверяет он охотливо.

Да, он действительно не врубается. Но не Тая. Едва я разворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее... та фактически вжимается в дверь спиной. При этом на ее губах расплывается горькая усмешка. Прикрывает глаза на мгновение, прежде чем снова посмотреть на меня. Но уже иначе. Без тени страха и с уверенностью.

– Буду иметь в виду, Игнат Алексеевич, если вдруг понадобится прийти к вам в гости.

В голосе слышится тот же горький яд, что огнем горит в ее глазах. С учетом, что и внутри самого пылает ничуть не тише, то даже своеобразный отклик во мне находит.

– Ты, кажется, меня не услышала. Или опять плохо усвоила, – шагаю ей навстречу. – Ты переезжаешь. Вместе с сыном. Сейчас, – оказываюсь совсем близко, почти вплотную.

Нет, не трогаю ее. Открываю дверь.

– Ну что вы, как я могла **вас** и не услышать? – деланно удивляется. – В отличие от вас, у меня прекрасный слух, – отворачивается и с гордо поднятой головой идет к выходу.

Ни на секунду не верю ее капитуляции. Даже после того, как на находящуюся в холле охрану она никак не реагирует, с безразличным видом проходит мимо. Собственно, потому ребята там и стоят. Потому что не верю. Ни ей. Ни кому-либо еще. А на улице охраны еще больше, остальные тоже подтянулись.

– Сейчас мы поедем к вам домой. Ты соберешь вещи. Пса

тоже можете с собой прихватить, – сообщаю, когда мы возвращаемся к машине.

Бл*дь, вот не собирался доводить до такого представления. Чем больше людей присутствует, тем быстрее распространяется новость, всем рты все равно не заткнешь. Но что уж теперь. Не с таким дерьмом справлялся. И тут справлюсь. Как-нибудь.

– Нужно отцу позвонить, – отвлекает от размышлений голос Тумановой. – Иначе это все плохо кончится, – кивает на собрание левых машин неподалеку.

Просто киваю. Не знаю, для показухи ради, ведет ли какую-то свою игру, или в самом деле решает проявить благоразумие, но инициатива правильная.

– Макса возьми, – просит. – Ты же побудешь с... Игнатом? – запинается на моем имени, обращаясь к сыну. – Я быстренько поговорю с дедушкой и присоединюсь к вам.

Мальчик согласно кивает и протягивает ко мне свои руки. Как только я его забираю, девушка отходит в сторону и достает мобильник из кармана пальто.

– Знакомься, Макс, – отвлекаю его внимание от матери, отхожу в сторону, ближе к охране. – Это Гриша, – указываю на того, кто попадает взору первым, а охранник кивает. – Это – Михаил. Семен. Алексей. Иван... – я называю еще много имен, поочередно представляя каждого. – Они будут тебя защищать. Даже от вредных девчонок и их кукол, – подмигиваю мальчишке.

– Зачем меня от них защищать? – удивляется ребенок. – Я сам могу.

Улыбаюсь ему в ответ.

– Помнишь, вчерашнюю стаю псов? В моем мире таких, как они, много. Самых разных. И иногда нужно делать так, чтобы они не навредили.

– Тогда у тебя плохой мир, – постановляет он. – Лучше к нам приходи жить.

– Твой дедушка тоже живет в подобном мире, но ты же его в свой мир не зовешь, – отзываюсь справедливо.

– Это потому что мама с бабушкой не дружат. Они давным-давно поссорились, и мама ушла от него ко мне, – удивляет ребенок.

– Хм... – озадачиваюсь я. – А из-за чего поссорились?

– Так бывает, – явно повторяет слова матери Макс. – Я не знаю. Но деда на маму очень громко кричал вчера. Из-за папы, – заканчивает доверительным шепотом.

Занятно...

Снова улыбаюсь.

– Да уж. Бывает. Но ничего. Зачем тебе кто-то еще, если есть я, верно? – слегка подкидываю его на руках, вызывая смех у мальчишки.

– Наверное, – отвечает и ищет глазами мать.

– Не наверное. Точно тебе говорю.

На разговор дочь прокурора тратит не больше пяти минут, но, судя по тому, как она прикусывает губы, трет пальцами

люб и то и дело хмурится и вздыхает, проходит тот совсем не легко.

– Не знаю, кого там твоя мама прежде выставляла в качестве твоего папы, но теперь им буду я. Как тебе?

– Ты? – искренне удивляется Макс. – Будешь моим папой?

– Я, – подтверждаю и прижимаю его к себе ближе.

– Правда-правда?

– Правда-правда.

– Да. Я хочу, – радостно кивает, но тут же поджимает губы. – Но только если мама разрешит, – добавляет, снова ища глазами Туманову.

Та разговор заканчивает еще минуту назад, но продолжает стоять на прежнем месте, глядя на свой телефон.

– Она не может запретить мне, – отвечаю сыну, а сам тоже на нее смотрю. – Сам у нее спроси, если не веришь. Хотя, на будущее, если я что-то тебе говорю, то так и есть. Даже не сомневайся. Мое слово – закон, – заканчиваю с пафосом и усмешкой, отпуская ребенка.

К матери.

В следующее мгновение я наблюдаю, как девушка, присев на корточки перед сыном, что-то негромко говорит, привычно мягко улыбаясь тому, пусть и через силу, после чего оба идут в мою сторону.

– Она сказала «да», – гордо оповещает меня Макс и снова лезет ко мне на руки.

Подхватываю и несу к машине.

– А я тебе что говорил?

Ребенок кивает и крепко обнимает меня за шею, насколько позволяет ему комбинезон и длина детских ручек.

Странное ощущение.

Еще более странно то, что от переполняющей меня ярости не остается и следа, а я только сейчас замечаю.

– Папа, – произносит совсем тихо в шею, почти вопросительно, словно и сам не верит, что говорит это.

Что я там о странностях только что говорил?

Теперь уж совсем непривычно...

И вместе с тем, то самое. Родное. Мое.

Никому не отдам...

Глава 7

Тая

За окном автомобиля городской пейзаж сменяется одной улицей за другой. Фары проезжающих мимо машин почти слепят, но я не обращаю на это никакого внимания. Я вообще словно в вязком вакууме нахожусь. Время и то стоит на месте по ощущениям. Так и не решила до сих пор, как реагировать на происходящее. Не сказать, что неожиданно, но... ждать и получать – разные вещи. Хотя первым порывом, когда поняла, куда Игнат нас привез, было выпрыгнуть из окна и бежать без оглядки как можно дальше. И будь я одна, наверняка, так и сделала бы. Но с ребенком бросаться в неизвестность – глупо и необдуманно. Именно поэтому приняла навязанные правила. В конце концов, я и так за последние сутки наделала полно глупостей. Нужно притормозить и, наконец, просчитать всю ситуацию. А она выходит откровенно паршивой. Потому что нет у меня времени больше. Ни на что. Не оставили мне его. В отличие от меня, Орлов все как раз хорошо продумал. Не зря переманивал все это время сына на свою сторону. Самый лучший рычаг давления на меня. Что бы ни происходило, сына я ни за что не оставлю, и мужчина это прекрасно знает.

Но черт бы его побрал!

Апофеозом всего становится возвращение домой, где нас уже ждет мой отец. А ведь я просила его по телефону не дергаться. Позволить мне самой договориться с Игнатом. Но когда он меня слушал? Или хоть кого-то? Смешно, но, если забыть, что оба мужчины стоят по разные стороны баррикад, характер у них почти один в один. Оба бескомпромиссные, упертые, с негибаемой волей, твердые и нерушимые, как скальные острова посреди бушующего океана.

Вот и сейчас...

Никаких приветствий. Лишь два ледяных взгляда скреживаются в немой борьбе. И я знаю, что ни один не отступит. Будут стоять на своем до победного конца. Подозреваю, кровавого. Я вдруг отчетливо понимаю, что мне все же придется сделать выбор. Желательно такой, который не приведет к необратимым последствиям. И прямо сегодня. Сейчас. Пока не стало слишком поздно. Хуже всего то, что я уже знаю, кого выберу. Еще раньше знала, как бы ни настраивала себя на обратное. Потому что только так будет правильно. Для всех. Но даже зная и понимая, смириться и принять вот так сходу ситуацию по-прежнему не получается. И вряд ли хоть когда-нибудь получится.

Настолько ухожу в свои мысли, что пропускаю момент, когда противостояние оказывается прервано появлением Лаки. Пес с громким и радостным лаем кидается нам навстречу, прыгает вокруг, умудряясь своим языком даже плечо Игната достать. Максим хихикает и тоже прыгает. Я же

хватаюсь за спасительную соломинку.

– С Лаки нужно погулять, – говорю, глядя прямо на Орлова.

Тот с ответом не спешит. Сперва оглядывается по сторонам, изучая обстановку прихожей и видимой части коридора двухкомнатной квартиры. Не сказать, что здесь есть на что посмотреть. Евроремонта нет никакого, лишь самый простой: дешевые обои, а на полу линолеум, покрытый ковровой дорожкой. Из мебели тоже лишь необходимый минимум, чтоб было куда повесить верхнюю одежду и поставить обувь. Все чисто и аккуратно. Но разве много нужно двоим людям? Единственное, я люблю, когда в комнате зелено, поэтому горшки с цветами расставлены по всей квартире.

– Десять минут. За которые ты соберешь вещи. И мы уезжаем, – выдвигает Игнат встречным ультиматумом.

Я на это только устало вздыхаю и принимаюсь разуваться. Пальто не снимаю, только расстегиваю двубортный ряд пуговиц и прямо так прохожу на кухню. Выключатель не трогаю. Жалюзи открыты и лунного света вполне достаточно, чтобы видеть окружающую обстановку и друг друга. Отец следует за мной практически сразу, а следом слышится звук захлопнувшейся двери. Мы, наконец, остаемся одни. И я уже точно знаю, что этот разговор не принесет ничего хорошего нам обоим.

– Если сейчас с ним уйдешь, я тебе помочь уже не смогу. Так и будешь всю жизнь под этим монстром жить, – начинает

он сходу, спасибо, на удивление миролюбиво. – Пока он не сдохнет. Повезет, если намного раньше тебя.

– Знаю. Но если сбегу от него, считай, так до конца жизни и буду бегать. Он не даст нам с Максом спокойно жить вдали от него. Из-под земли достанет, – повторяю вчерашнюю угрозу Игната.

В доме совсем не холодно, но меня начинает бить озноб, поэтому обхватываю плечи обеими руками в попытке удержать тепло в теле. А может, чтобы оставить себя на месте. Ведь на деле мне хочется согласиться на все встречные предложения отца и действительно бежать. Но это будет самый эгоистичный и неверный поступок в моей жизни.

– Я же тебе говорил, я разберусь. Ты – моя дочь. Моя семья. Я позабочусь о том, чтобы ты о нем больше не слышала. Надо потерпеть всего-то полгода-год. Все лучше, чем жить в страхе и оглядываться каждый раз, пока он рядом.

Смеюсь. И качаю головой.

Не разберется он. И не посадит. Если бы мог, уже давно все это провернул. А так скорее ляжет хладным трупом на дно какой-нибудь канавы. Я же видела фотографии того, что случилось со всеми теми, кто мешал Игнату. И вчера он прямо сказал, что будет, если мы решим выступить против него. И какой дочерью я буду, если позволю сейчас отцу так подставиться?

– Так уверен, что действительно сможешь? – уточняю уже вслух. – А от всех его врагов, которые захотят отыграться на

нас с Максом, тоже защитишь? И так и будем жить, да? Они нападают, а мы снова бежим и прячемся?

Отец мрачнеет.

– То есть в меня, того кто дал тебе жизнь и вырастил тебя, ты не веришь, а в того козла, который живет за счет других жизней, ты очень даже вдруг уверовала? Или на что ты рассчитывала, когда под него в первый раз ложилась? Что он исправится, станет милым и хорошим, после того, как ты ему сказку о морали прочитаешь и кроху-сыночка родишь? Думаешь, он изменится? Такие, как Орлов, никогда не меняются! Легкой жизни не будет теперь, уж не жди в любом случае! Ты сама свой выбор сделала, когда ребенка от него родила. Теперь расхлебываем, как можем. Хотя бы сейчас голову включи и прекрати ерепениться, играя в предубеждение и гордость!

Прав. Снова. Пусть и не во всем, на этот раз. Но оттого не менее больно и обидно слышать от него эти слова.

– Я ничего не думаю, – говорю и отворачиваясь к окну. – И знаю, что не изменится. Как и знаю то, что он не отступится и не отпустит Макса. Скорее уничтожит всех, кто встанет на его пути. Тебя – в первую очередь, папа. И в отличие от тебя, на него мои просьбы никого не убивать точно не действуют, – пытаюсь хоть так достучаться до него.

– Ты поэтому из моего внука еще одного преступника и убийцу вырастить решила? – слышится за спиной полное гнева.

Вздрагиваю и крепче обнимаю себя за плечи. Не отвечаю ему ничего на его заявление. Потому что не знаю, что сказать. Ведь правда. Очередная. Бьющая по мне наотмашь.

– Хватит себя жалеть, Тая. Это ничем не поможет. В одном этот твой Орлов прав. Остаться здесь тебе не стоит. Давно. Собирай вещи. Я тебя и Максима с собой заберу. Орлов, может, и страдает бешенством, да и не один, но и я – не мальчик. Ребята из убойного помогут. Сдержат. Никто не пострадает. И тебя с сыном никто не тронет. Гарантирую.

Ах, если бы так оно и было...

Только я больше в это не верю.

– Я не себя жалею, папа, – оборачиваюсь обратно к нему, стараясь выглядеть невозмутимой и уверенной в своих следующих словах. – Себя я давно разучилась жалеть. Еще пять лет назад. Но Игнат уже сказал Максиму о том, что он его отец. И тот... счастлив. Счастлив, понимаешь? А если я соглашусь на твоё предложение, то не только разобью его мечты, но и убийцей его отца стану. А я так не хочу, папа! Только не так! Не через смерть Игната, каким бы монстром он ни был!

«И уж точно не через твою...» – заканчиваю уже про себя.

– Ему четыре! Конечно, он счастлив! У вас же в доме мужика ни разу не было, а он нуждается в ком-то помимо матери, это вполне нормально. Вот только не в Орлове. Ничему хорошему он его не научит. Другого мужика себе найди, его он тоже примет. Маленький еще, ему без разницы. Если уж к Орлову проникся, любой другой и подавно ему на

пользу пойдет. Он и не вспомнит о нем уже через год, чего ты заиклилась на этом? Или думаешь, Орлов заботится о том, что других сыновей без родного отца оставляет, когда в башку им стреляет и черепашки их проламывает?! – окончательно срывается отец, наряду с ударом кулаком по столу. – Не хочет она, видишь ли. Захоти!

– Да ты понимаешь, что тем самым войну в городе развяжешь? – тоже больше не сдерживаюсь я. – Он же кровью зальет все улицы, пока не получит Макса обратно! А когда найдет, думаешь, он меня пожалеет? Или тебя? Пристрелит всех нас и дело с концом. Сейчас его от этого шага сдерживает только моя покладистость. Да и... – замолкаю на мгновение, втягиваю в себя воздух и продолжаю уже на порядок спокойнее. – Так я буду рядом с сыном и смогу повлиять на его будущий выбор.

Так себе оправдание. Но если это уберезет моего отца от смерти, как и десяток другой его людей, значит, оправданно.

– Все я понимаю! Понимаю! Это ты не понимаешь, я тебя, дура, убереечь хочу! И тебя! И внука! Да я его хоть сейчас изолирую! Ото всех! Хотя бы за похищение! – выплевывает в полнейшем негодовании. – Ай, кому я это рассказываю... – качает головой и шагает прочь из кухни. – Учти, потом не проси о помощи снова. Ты выбрала свою участь, свою судьбу. И сторону. Нет у меня такой дочери. И внука нет.

Входная дверь в квартиру хлопает повторно. А следом по полу разлетаются черепки цветочного глиняного горшка с

фиалкой, который я кидаю себе под ноги на эмоциях.

Вот как так? Из-за одного и того же мужика дважды разругаться с родным отцом в пух и прах. Что я за дура такая? Ведь вот он шанс на спасение. А я снова его упускаю. Как пять лет назад, когда испугалась того, что будет, если Игнат узнает о беременности, а отец – о нем. Так и сейчас. Но перед глазами все время стоят те чертовы фотографии изувеченных Орловом людей. Точнее, по делу – не им самим, а его мордоротами, но сути это не меняет. По факту все равно он. Только теперь на месте тех людей я вижу отца и мать. И это видение отзывается в груди фантомной болью. Настолько сильной, что я почти падаю на колени перед разбитым цветком. Вот так и моя жизнь: как ни старалась сохранить ее целой, а все равно разбила, не собрать. Но я все равно за чем-то пытаюсь спасти хотя бы цветок. Собираю землю руками в одну кучу и втыкаю в нее свою потрепанную фиалку. Говорят, они сильные, при должной заботе укрепятся на новом месте и вновь расцветут. А я? Я так смогу?

Должна...

К тому же:

– Не знал, что самое ценное из того, в чем ты нуждаешься – это пенсионный куст, – доносится со стороны входа на кухню.

Упускаю тот момент, когда моя уединенность перестает быть таковой. Орлов стоит в проеме, сверху-вниз наблюдая за всеми моими жалкими потугами по спасению цветка.

Пропускаю мимо ушей его выпад.

– Обещай, – прошу вместо этого срывающимся голосом. – Обещай, что, если мы уйдем с тобой, с Максом никогда не случится ничего плохого.

Полночно-синий взор становится почти черным.

– Именно для этого вы со мной и остаетесь.

– Почему тогда в этом случае не отправить нас с ним куда-нибудь подальше? Так ведь куда проще и безопаснее.

– А потом сидеть и каждую минуту дергаться, узнавая, как вы там? – служит мне встречной насмешкой. – Нет уж. Я не настолько мазохист, чтоб так себя подставлять. Будешь у меня на виду. Тогда будет действительно проще. Многим. Не только мне и тебе.

Согласно киваю, принимая его доводы. По этому вопросу. А вот дальше задаю новый:

– Ты его тоже вырастишь похожим на тебя?

И если раньше я лишь слегка посматривала на него, то сейчас фактически цепляюсь своим взглядом за его.

– Мой отец не был таким, как я. Мямлей был. Брат – наоборот, до одури весь из себя правильный. А вот дед... Он меня воспитал. И да, мы похожи. Так что однозначного ответа не жди.

– Тогда мне лучше и правда быть рядом с ним, – улыбаюсь совсем невесело. – Может тогда повезет, и он вырастет таким же сильным, как ты, но с границами дозволенного. Куда лучшим и достойным человеком, чем ты. Где он, кстати?

На губах Орлова мелькает ядовитая ухмылка.

– Макс во дворе. Играет с Лаки. Почти выучили команду «взять». За палкой пес гоняется, – произносит отстраненно, а его ухмылка становится лишь шире. – Куда лучшим и достойным, чем я, значит? Ты себя-то в зеркале видела? – добавляет зло.

– Ну, я, по крайней мере, никого не убиваю по поводу и без, – парирую, отворачиваясь и поднимаясь на ноги.

Да, я забываюсь. С кем говорю. И что говорю. Вспоминаю, лишь когда Игнат оказывается за моей спиной вплотную. Поздно.

– Спорное утверждение, – звучит над самым ухом. Еще секунда, и мужские пальцы забираются в мои волосы, сдавливают затылок, поворачивают и вынуждают вновь смотреть на него. – Ложное. Или ты ведешь подсчет тех, кого я убил за последние сутки, пока был с тобой, а я не в курсе? А может, это не ты вчера умоляла меня выстрелить в несчастных псов только потому, что испугалась?

– Я не имела в виду это, – отзываюсь едва ли громче него, хотя то больше похоже на оправдание. – Но громкий и резкий звук их бы спугнул.

– По-твоему я настолько без тормозов, что при каждом случае стреляю? По поводу и без, – припоминает мне мои же слова.

– Я видела твое дело, – признаюсь, разворачиваясь к нему всем телом. – И всех тех, кого ты убил. Их фотографии. Ты

хорошо заметаешь следы, кстати. Почти не к чему прикопаться.

Зачем я говорю ему все это? Что хочу услышать в ответ? Что он не такой? Глупость какая! Все он именно такой и даже хуже. И пора бы мне уже принять этот факт, а не видеть в нем того, кем он когда-то зачем-то притворился для одной испуганной девочки.

– И сколько их? Этих фотографий? Десяток? Два? Три? В любом случае там лишь жалкая часть из того, что я сотворил. Стоит помножить, как минимум еще на десять. И даже тогда... Считать умеешь? Сколько минут моей жизни они успевают зафиксировать? Все тридцать с лишним лет? – кривится Игнат. – Или я тут один грешник? Остальные все святые? Чего ты хочешь от меня? Я не понимаю.

Если бы я сама понимала...

– То, чего я хочу, ты мне дать не в силах, – говорю, как есть, по итогу. – Потому что сам же забрал, – улыбаюсь криво и подношу свои пальцы к его лицу, провожу ими вдоль скулы, на которой сейчас играет льющийся в окно лунный свет. – Ты все у меня забрал, – продолжаю шепотом, вглядываясь во тьму его глаз. – Вот уже во второй раз. Хотя я сама виновата. Сама снова выбрала твою сторону. Глупо теперь об этом сожалеть.

Убираю ладонь и поворачиваюсь спиной, чтобы уйти.

Еще бы мне это было дозволено...

Мужские пальцы на моем затылке сдавливают крепче.

Другая его ладонь перехватывает мою. И я в капкане.

– Знаешь, что по-настоящему бесит меня в этой жизни? – отзывается Игнат. – Вранье, – сам же отвечает. – Так что не ври мне больше, Тая, – его рука опускается вместе с моей мне на живот. – Если бы ты ничего от меня в самом деле не хотела, то и того, что происходит с тобой сейчас, не случилось бы. Сына у тебя бы тоже не было. Как и у меня, – скатывается до шепота.

А я зачем-то прикрываю глаза, вслушиваясь в его голос. Как ни странно, он меня успокаивает. Боль отступает. Прячется в глубинах души. И я крепче сжимаю мужскую ладонь в своей. Черпая из нее силы для себя.

– Да, – признаю чужую правоту в очередной раз. – Так было бы куда проще. Забыть и отпустить. Но только и ты – не тот Игнат, которого я запомнила. Совсем не он. Другой. Чужой. И я не хочу знать тебя такого. Вот моя правда.

Хватка на моем затылке слабеет. Но это не делает меня свободной. Он утыкается носом мне в волосы. Шумно втягивает воздух. Я больше не вижу его лица. Но почему-то кажется, что Игнат улыбается.

– Три...

Прикосновение к моей руке исчезает. Но не к животу. Жар его тяжелой ладони просачивается сквозь одежду, когда он слегка давит, тем самым еще плотнее прижимая меня к себе. По телу проносится дрожь давно позабытой неги. И я обманываю себя этим чувством, уверяя, что всё на самом

деле не так уж и плохо.

– Два...

Мужское дыхание задевает скулу. Почти обжигает. Вынуждает меня саму дышать через раз. Его голос – глубокий, как бездонная пропасть. Разносится в тишине, кружит голову, утягивая за собой в самую бездну.

– Три...

Я слушаю его. Но не запоминаю. Мой пульс зашкаливает гораздо сильнее. Слишком ярко застревает в моей голове сам факт того, насколько он близко. И насколько ближе еще может быть.

– Пять...

Нет. Не поцелуй. Он лишь едва ощутимо касается моей щеки губами. Все еще давит на живот. Но даже этого хватает, чтобы тело откликнулось и потеснило волю разума.

– Пять...

Его ладонь смещается ниже и чуть в сторону. Гладит. Ласкает. Словно струны, умело перебирает натянутые почти до предела нервы. Ослабляет. Их. Меня. Все мое возможное сопротивление. Опускается на бедро и разворачивает к себе полубоком, сильнее распахивая пальто. И я невольно тянусь навстречу в стремлении заполучить больше.

– Два...

Почти мне в губы. На этот раз совсем не касаясь. Действительно с легкой полуулыбкой, так идущей ему. Пристально вглядываясь в мои глаза. Ловлю себя на мысли, что делаю

то же самое. Смотрю. Любуюсь. Пропадаю. Как и пять лет назад.

– Ноль...

Он бережно собирает мои волосы. Отводит их в сторону. Перекидывает через плечо. Пока я складываю нехитрую комбинацию из цифр. С номером моего телефона. Тем самым, что оставляла ему когда-то. И которым он пользуется почему-то только сейчас. Да и то весьма своеобразно.

– Хочешь ты, или нет, но тебе придется, Тая. Знать меня. Такого. Любого, – добавляет Игнат, потянув за завязку на юбке. – Знать. И любить.

Тяжелая плотная ткань совсем не держится без закрепа. Скользит вниз по ногам, падает на пол синей лужицей. Не успеваю поймать. Хватаюсь за воздух. На мне остаются только чулки и подвязки. Они – не такая уж и преграда. Кружевное белье – тем более. Нет, не избавляется, сдвигает в сторону, обжигая новым прикосновением к обнаженной плоти. И я лишь чудом удерживаю себя на краю манящего искушения. С силой цепляюсь за остатки разумных мыслей и мужскую руку.

– Нет, стой, подожди, – шепчу в бестолковой попытке остановить намечающееся безумие. – Игнат...

Если и слышит, то не слушает. Перекладывает мою руку себе на шею. Одну. Вторую. Пол уходит из-под ног, а я оказываюсь сидящей на кухонном столе. На самом его краю. С широко разведенными в стороны коленями. Он вклинивает-

ся столь же аккуратно, сколь безжалостно и неумолимо. Не оставляя ни шанса.

– Давай, соври мне еще раз, Тая. Соври, что не хочешь...

То ли вопрос. Уличающий во лжи. То ли просьба. То ли приказ. У меня нет времени осмыслить. Как и не остается возможности сказать что-либо в ответ. Губы смяты жадным поцелуем. И если секунду назад я еще помню о том, что должна его остановить, то теперь с моих уст срывается лишь жалобный тихий стон, вместе с новым проникновением его пальцев под тонкое кружево.

– Бл*дь... – хрипло ругается Игнат. – Какая же ты...

Не договаривает. Тяжело выдыхает. Шумно втягивает в себя воздух. Раскрывает и ласкает меня изнутри мучительно умело и медленно. Меня буквально вышвыривает в похожее воспоминание. По телу проносится сладостная дрожь. Сворачивается наэлектризованным клубком внизу живота. Простреливает током. И я не успеваю остановить слетевший с моих губ повторный предательский стон. Игнат ловит его своим ртом, поглощает вместе с новым поцелуем. Его пальцы во мне – проникают глубже, растягивают, почти доводят до сумасшествия только одним этим простым действием. Все еще невыносимо медленно.

– Боже... – выдыхаю на особо глубоком и неожиданно резком толчке.

Из меня словно весь кислород вышибает. Я тоже выгибаюсь. Инстинктивно прижимаюсь к нему ближе. Не могу не

прижиматься. Я потом буду проклинать за эту слабость. И себя. И его. И нас обоих. Но здесь и сейчас мне нужно больше. Всего. Больше контакта. Больше поцелуев. И я уже сама тянусь к нему навстречу. Целую в ответ, наверное, слишком отчаянно. Плевать. Мои руки живут своей жизнью, отдельно от голоса разума, почти рвут пуговички на мужской рубашке, в стремлении добраться до его тела, почувствовать жар горячей кожи и впитать в себя. Да, это адово пекло. Мои легкие горят. В голове настоящее inferно. Откинув голову назад, я с жадностью глотаю новую порцию воздуха, никак не могу надышаться. Зато рвано и громко выдыхаю...

– О-ох... – вместе с новым проникновением.

Его член во мне ощущается чертовски огромным. Нет, мне не больно. Но Игнат замирает. Не двигается. Дает возможность привыкнуть. А я смотрю в синие глаза и понимаю, что вот теперь точно пропадаю. Окончательно и безвозвратно. Снова лечу в бездонную пропасть, сотканную из его обжигающего желания, полного трепета и нежности, на контрасте со всем тем, что я знаю. Да, сейчас рядом со мной тот Игнат, которого я помню, и образ которого давно храню в своем сердце. И я снова обманываю себя. Подменяю реальность. Вновь тянусь к нему навстречу. Позволяя увлечь себя в эту порочную игру из выбивающих дух резких глубоких толчков, уносящих на волнах разрастающегося удовольствия. Пусть по его правилам. Я наслаждаюсь ею. Нуждаюсь и жажду. Пью до дна. Окончательно пьянею. Далекое не скоро

возвращаюсь в реальность. Оргазм накрывает и тело, и жалкие остатки моего разума слишком беспощадной эйфорией. Мгновения длиною в вечность. Я словно рассыпаюсь на части. Нет меня. Едва осязаемые поцелуи на лице и шее прорывают это иллюзорное чувство, даря обманчивое ощущение правильности происходящего, даже после того, как все заканчивается. Совсем ненадолго. Когда мужчина отстраняется, оставляя вместо себя холод и пустоту, обрушивается и понимание случившегося.

– Твои десять минут вышли, – ставит перед фактом Игнат, прежде чем покинуть кухню. – Нах*р твои шмотки. Поехали домой. Все, что нужно, сам куплю.

Недалеко уходит. В ванную. Через пару секунд слышится шум воды. А я так и сижу на столе, глядя перед собой невидящим взором. Перевариваю. И если поначалу я еще пытаюсь убедить себя в том, что ничего страшного не произошло, тем более, не абы с кем, а все же с отцом своего сына, то стоит только соскочить со стола, как на разум штормовой волной обрушивается иная правда. Ведь он... этот... нехороший человек... снова! Он снова не предохранялся! Да и я хороша! Чем думала, когда поддавалась его желанию? Точно не головой. Лучше бы не разговоры с ним вела, а к сыну шла, тогда бы не приходилось теперь так страдать. Еще и это! Медаль матери года мне точно не дадут! Правильно отец обозвал бестолковой. Успокаивает только то, что я помню, сколько охраны выделил Игнат для Максимки, так что за его

безопасность точно переживать не стоит. А вот прибраться и вещи собрать – да. Хотя бы самый необходимый минимум. Тем и собираюсь заняться, попутно раздумывая, как бы по-деликатнее попросить Игната заехать по пути к нему в аптеку. Хотя о деликатности думать уже как бы поздно. Тем более, о ней только я и думаю. Орлов такой проблемой точно не страдает.

– Ты пьешь противозачаточные? – спрашивает он по возвращению.

Вопрос в лоб, что говорится. И я непроизвольно краснею.

– Нет, – произношу негромко и отворачиваюсь в намерении поскорее скрыться от его прожигающего взгляда в ванной.

Хотя это все равно не спасает от ответного:

– Опрометчиво, – следует небольшая пауза, а последующее звучит слишком уж самодовольно: – Разве что прежде не было в этом никакой необходимости. Тогда почти логично.

Ничего не отвечаю, но дверь хлопаю громче, чем намеревалась. И снова бью его в своих мыслях.

Индюк самодовольный!

Благо, когда возвращаюсь, в квартире, кроме меня, нет никого больше. Пользуюсь моментом, чтобы сделать, наконец, то, зачем приехали сюда. Беру совсем немного, но в итоге три сумки набирается. Плюс рюкзак с принадлежностями для каратэ. М-да... и как теперь это все тащить? Впрочем, о чем это я? Не впервой, в конце концов. Рюкзак мне на плечи,

сумки в руки и вперед. Чтобы замереть на выходе из подъезда, глядя на мило беседующего Игната. С Дашей.

Вот будто мало мне проблем на сегодня! Страшно представить, что эта незатыкающаяся особа легкого поведения наговорила ему. Зато понятно, чего он поначалу меня торопил, а теперь и дела никакого нет до того, как долго я справлюсь. Конечно, когда на тебя с таким восторгом смотрит такая милая рыжая хохотушка с довольно выдающимися объемами и сверху, и снизу... чего не скрывает расстегнутый полушубок...

В общем, мое раннее желание наплевать на УК РФ принимается разрастаться с геометрической прогрессией.

Особенно, когда к этим двоим еще и Макс подбегает.

Честное слово, как какая-нибудь счастливая семья! Не считая того, что это все-таки мой сын!

От последующей глупости останавливает появление одного из охранников Игната, который молча забирает у меня сумки с рюкзаком и уходит к машине.

– Спасибо, – только и успеваю сказать ему вслед.

Хотя ему до моей благодарности и дела нет. Никак не реагирует. И не он один. Стоящая у детской площадки троица тоже все еще не замечает моего появления.

Ну, ладно, сами напросились!

Подхожу к ним, как можно тише и незаметней. С учетом, что Игнат, уже с Максимкой на руках, стоит ко мне спиной, это сделать не сложно. А Даша и вовсе увлечена разглядыва-

нием мужского образчика красоты. Ей в такие моменты вообще все побоку. Один только Лаки, завидев меня, бросается навстречу, радостно виляя своим пушистым хвостом. Глажу его между ушей и все так же неспешно подхожу к застывшей у горки троице.

– ...эх, Максимка, я б на месте твоей мамы тоже на других мужиков не смотрела, будь у меня *такой* в заначке, – мечтательно вздыхает сама мисс Беспардонность, показательно осматривая Игната с головы до ног и обратно, и тут же поправляет себя: – Хотя нет, столько ждать, как Таська, я точно не смогла бы! Давно бы другого отца тебе нашла. Может, даже и не одного, – выдает еще более мечтательно, чем в начале своего монолога.

Вот бы сквозь землю сейчас провалиться!

Прям ни раньше, ни позже не могла появиться во дворе, а именно тогда, когда не следовало. И опять болтает не то, что нужно. Убеждаюсь в том, когда выхожу вперед и замечаю на губах Игната мрачную ухмылку. Явно неспроста слушает. Опять выводы делает. Но и это не самое страшное.

– Нет, больше пап мне не надо, – качает головой Максим. – Нам с мамой и одного хватит, – добавляет серьезно. – Самого лучшего! – заявляет совсем уж гордо, обнимая мужчину за шею крепче.

Будто боится, что тот исчезнет.

А я вот не отказалась бы от такого...

Особенно, когда слышу:

– Да и вряд ли твоя мама еще одного папу потянет, – снисходительно поддакивает ребенку Игнат.

– Как знать, – говорю уже сама, вставая между ним и Дашей, глядя на него с вызовом. – Я ж ни разу не пробовала, чтобы такое утверждать, – усмехаюсь.

И очень стараюсь сохранить эту эмоцию на своем лице, банально прячусь за ней, дабы не стушеваться под встречным полночно-синим взором, полным скрытого обещания скорой расправы за такую дерзость с моей стороны.

– Ты сперва со мной справишься.

Сказала бы я, да благоразумно молчу. По этому поводу. Перевожу тему на иное.

– Мы сегодня доедем до твоего дома, или еще с десятком людей пообщаемся предварительно?

– Ревнует, – доверчивым шепотом тут же комментирует мой выпад Даша для Максимки, который весело хихикает на это.

«УК РФ, Тая, УК РФ...» – проговариваю несколько раз про себя, пока они развлекаются за мой счет.

– Мамочка, не ревнуй, папа с Дашей почти не говорил, – вставляет сын, перебираясь ко мне на руки. – Это Даша говорила, – утешающе гладит меня по голове. – Но все только про тебя.

Можно подумать, от этого мне намного легче...

К тому же, узнать, что именно она успевает ему про меня еще рассказывать, возможности никакой не остается.

– В машину, – мрачно командует Игнат, подталкивая нас с сыном в нужную сторону.

Не сопротивляюсь. И самой уже хочется сбежать от соседки как можно дальше. Так что в теплый салон усаживаюсь с долей некоторого облегчения. Рядом с сыном. Лаки устраивается по другую сторону от своего маленького хозяина и затихает, уложив голову на свои скрещенные лапы.

– Мама, – зовет меня Макс, пока я его пристегиваю, – а что, у кого-то и правда бывает несколько пап сразу?

Начинается...

– Бывает, – не вру.

– Да. И, как правило, один из них – мертвый, – вставляет язвительно Игнат, прежде чем трогает машину с места.

– Почему мертвый? – удивляется ребенок.

Я же тоскливо вздыхаю.

Вот не мог, что ли, помолчать?

Все объяснение сбил своим высказыванием!

– Папа не правильно выразился, – посылаю тому, о ком говорю, выразительный взгляд. – Не обязательно мертвый.

Зарабатываю в ответ не менее выразительный взгляд. Точно такой же, как тогда, когда про «ни разу не пробовала» говорила.

– Папа не «не правильно» выразился. Просто забыл уточнить: не в нашем случае «не обязательно». В нашем – без вариантов.

Ну что сказать? Предупреждением я проникаюсь в то же

мгновение. Потому никак и не комментирую. Макс тоже не спешит задавать новые вопросы. Думает. И я уже надеюсь, что продолжения темы не последует, но ошибаюсь.

– А почему у нас так не может быть?

Мысленно стону. Но отвечаю со всем спокойствием и терпением.

– Потому что, во-первых, в русской культуре запрещено многоженство и многоженство, а во-вторых, зачем тебе еще один папа? Тебе одного мало?

Максимка опять призадумывается.

– Нет. Но можно тогда Лере найти еще одного папу? – выдает мое чудо совсем уж неожиданное.

– А Лере-то зачем? – уточняю удивленно.

– У нее плохой папа. Он их с мамой обижает, – слышится в ответ. – Пап, а ты же не будешь нас с мамой обижать, как Лерин папа, правда, да?

Последующая пауза выглядит немного напряженной. Впрочем, отвечает Орлов вполне себе добродушно:

– В настоящее время из нас троих обижает всех только мама твоя. Вредностью своей. Ты бы с ней поговорил что ли... – заканчивает на недосказанности и в наглой просьбе к ребенку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.